

XVII.

ГУМАНИСТЫ XV ВѢКА.

Франко Саккетти, сравнивая состояніе поэзіи въ его время съ блескомъ недавняго прошлаго, чувствовалъ всю громадную разницу не въ пользу перваго: «напрасно старается тотъ, кто теперь пишетъ стихи, если подумать о томъ, кто воспѣвалъ Beatrice и о томъ, кто написалъ столько стиховъ о Laурѣ».

Ben s'affatica in van chi fa or versi
Pensando chi per Beatrice disse
E chi per Laura tanti versi scrisse.

Такъ говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ мадrigаловъ и горько жаловался на цѣлую орду риомачей, профанирующихъ искусство. Въ 1374 году онъ оплакалъ въ длинной канцонѣ смерть Петрарки и, когда въ 1375 году умеръ Боккаччіо, онъ нашелъ для скорби еще болѣе живые звуки; онъ, собственно говоря, совсѣмъ отчаялся, полагая, что сама поэзія отнынѣ мертвa: «Какъ можно надѣяться, что возстанетъ Данте, если не находится уже и того, кто могъ бы его читать».

Come deggio sperar che sorga Dante,
Che gi  chi il sappia legger non si trova?

Кто будетъ заниматься еще удивительной поэмой Africa, кто будетъ въ состояніи писать такія прекрасныя вещи, какъ книга degli Iddii e lor costumi и другія латинскія произведенія мессера Джованні? Мертвa добротель, и онъ опасается, что, прежде чѣмъ она возстанетъ, прозвучитъ труба Страшнаго Суда. Вездѣ царствуетъ алчность; каждый думаетъ только о цифрахъ и о деньгахъ; рабочие кабинеты превратились въ булочныя.

Какъ мы можемъ видѣть, это общія мѣста сторонниковъ прошлаго, фразы, подобная которымъ можно слышать въ каждое столѣтіе, но въ основѣ здѣсь лежитъ справедливое чувство, времена перемѣни-

лись и великая эпоха литературной деятельности завершилась. Было вполнѣ естественно, что послѣ такихъ работъ производительная способность въ теченіе нѣкотораго времени казалась исчерпанной и что для новаго литературнаго раззвѣта требовался новый подготовительный періодъ. Для того чтобы оплодотворить культуру, въ нее должны были проникнуть новые элементы, и они пришли именно изъ сферы занятій классической древностью. Страхъ Саккетти былъ неоснователенъ; рабочіе кабинеты не превратились въ булочныя; классическая эрудиція, будучи очень далека отъ исчезновенія, напротивъ готовилась къ еще болѣе пышному раззвѣту и такимъ образомъ даже содѣйствовала краткому затишью въ національной литературѣ.

Примѣръ Петрарки и Боккачіо, которые съ такой любовью погрузились въ изученіе древнихъ, возбудилъ ревностное стремленіе къ классицизму, стремленіе широко распространившееся. Вскорѣ за ними послѣдовали другіе писатели, раздѣлявшіе ихъ энтузіазмъ и преслѣдовавшіе ту же самую цѣль, пробужденіе классическаго міра. Колуччіо Салютати, Луиджи Марсили и Джіованни да Равенна принадлежали еще къ тому же поколѣнію или были лишь немногими моложе, и всѣ трое находились въ личныхъ отношеніяхъ съ Петраркой.

Колуччіо Салютати (1331—1406) родившись въ Стіньяно въ долинѣ Ніеволе, получилъ свое образованіе въ Болоньї, гдѣ онъ пользовался покровительствомъ Пеполи, сдѣлавшися папскимъ секретаремъ (1368) и потомъ (въ 1375 г.) быть канцлеромъ флорентинской синьоріи; онъ первый изъ людей обладавшихъ гуманистическимъ образованіемъ занималъ эту должность и ввелъ въ государственные бумаги, до тѣхъ поръ писавшіяся языкомъ грубымъ и варварскимъ, большую ясность, ввелъ болѣе чистую латынь и болѣе пышныя риторическія прикрасы. Его сочиненія поэту му были очень почитаемы и оказывали значительное политическое вліяніе. Длинное увѣщаніе, съ которымъ въ 1378 году онъ отъ имени христіанъ обратился къ французскимъ кардиналамъ-схизматикамъ, исполнено энергіи и смѣлости; найдя распространеніе среди публики, оно должно было оказывать глубокое впечатлѣніе и существеннымъ образомъ содѣйствовало формированию общественнаго мнѣнія. Во время войны противъ папы Григорія XI и позднѣе во время войны противъ Джіангалаещо Висконти изъ Милана, онъ неустанно писалъ, пріобрѣталъ союзниковъ для коммуны, опровергалъ обвиненія, предъявленные противниками, и выводилъ на свѣжую воду ихъ интриги, и если мы можемъ вѣрить папѣ Шю (Европа, сар. 55), Джіангалаещо сказалъ, что тысяча флорентинскихъ рыцарей не сдѣлали ему столько вреда, какъ сочиненія Колуччіо. Онъ написалъ по латински между прочимъ восемь эклогъ и одну дидактическую поэму *De fato et fortuna*, гдѣ онъ опровергалъ астрологическую пророчества и переводилъ слова Данте относительно Фортуны (Inf. VII), также какъ его діалогъ съ Марко Ломбардо относи-

тельно свободы воли (Purg. XVI). Послѣ смерти Петрарки именно онъ особенно заботился о сохраненіи и опубликованіи его «Африки»; онъ досталъ себѣ копію у Франческо да Бrossано и снабдилъ ее своими примѣчаніями. Собственно говоря черезъ него впервые сдѣлались извѣстными письма Цицерона ad familiares; благодаря неустаннымъ напоминаніямъ и просьбамъ, съ которыми онъ обращался къ миланскому канцлеру Пасквино де' Каппелли и къ поэту Антоніо Лоски, онъ получилъ копію съ рукописи, находившейся въ Верчелли. Несмотря на то, что онъ былъ обремененъ своими официальными занятіями, онъ находилъ время для занятій строго—филологическихъ, отыскивалъ для работъ уже извѣстныхъ другіе монускрипты болѣе хорошие и древніе, отмѣчалъ варіанты и исправленія, съ совершенно особыеннымъ прилежаніемъ стараясь установить правильную орѣографію латинскаго языка. Въ своей частной корреспонденціи онъ давалъ соѣты, внушалъ, ободрялъ, охотно бралъ подъ свою защиту молодыхъ людей, посвящавшихъ себя научнымъ занятіямъ, и Поджіо называлъ его поэтуму общимъ отцомъ ученыхъ (comun padre degli eruditii). Послѣ смерти онъ былъувѣнчанъ поэтическими лаврами.

Луиджи Марсили (умеръ 21 августа 1394 года) принадлежалъ къ августинскому ордену; его разностороннія знанія, въ число которыхъ наряду съ науками мірскими входила теология, доставили ему въ его родномъ городѣ, Флоренціи, большой авторитетъ; въ 1382 году коммуна отправили его, въ качествѣ посланника, къ герцогу Анжуйскому; въ 1390 году Синьорія просила папу почтить его саномъ флорентинскаго епископа. Его обиталище въ монастырѣ San Spirito было сборищемъ для всѣхъ, кто искалъ чему нибудь поучиться. Тамъ находилась библіотека, которую оставилъ Боккаччіо; тамъ маэстро Луиджи повергалъ своихъ друзей и учениковъ въ изумленіе силой и пышностью своего краснорѣчія, а также своей удивительной памятью: онъ не только цитировалъ Цицерона, Виргиля, Сенеку и другихъ классиковъ, но очень часто воспроизводилъ совершенно неожиданно ихъ буквальные выраженія.

Джованни Мальпагини изъ Равенны имѣлъ во Флоренціи школу риторики и въ 1397 году получилъ каѳедру этой научной отрасли въ университѣтѣ; многіе изъ ученыхъ, позднѣе сдѣлавшихъся знаменитыми, были обязаны ему своими познаніями. Согласно съ однимъ письмомъ Колуччіо, онъ прожилъ почти пятнадцать лѣтъ около Петрарки, такъ что онъ, конечно, былъ однимъ изъ тѣхъ, кто жилъ въ домѣ поэта въ качествѣ его переписчиковъ. Собственный сочиненія Джованни пользовались малой извѣстностью и не были изданы. Умеръ онъ, вѣроятно, въ 1417 году.

Три эти писателя находятся въ непосредственной связи съ Петраркой и съ Боккаччіо, съ двумя великими дѣятелями, не имѣющими себѣ равныхъ въ древнемъ мірѣ, какъ говоритъ Колуччіо въ своихъ

письмахъ, гдѣ оплакивается ихъ смерть. Салютати кромѣ латинскихъ стиховъ писалъ также стихи на volgare, и нѣкоторые изъ его сонетовъ дошли до насъ; Джованни да Равенна объяснялъ во Флоренціи Данте по порученію, возложенному на него Коммуной (1412), а Марсили комментировалъ по итальянски двѣ канцоны Петрарки *Italia mia* и *O aspettata in ciel*, равно какъ три его сонета противъ куріи. Но научный классицизмъ уже бралъ перевѣсь. Въ 1396 г., по инициативѣ Колуччіо, Палла Строцци и другихъ, Иммануилъ Кризолора, который уже раньше былъ однажды въ Венеціи въ качествѣ посланника греческаго императора, получилъ приглашеніе пріѣхать во Флоренцію, гдѣ до начала 1400 г. онъ занимался преподавательской дѣятельностью въ качествѣ профессора университета. Позднѣе онъ снова состоялъ на государственной службѣ въ Верхней Италии, въ Англіи, во Франціи, въ Испаніи; въ 1410 г. онъ опять прибылъ во Флоренцію, въ 1411 г. и въ 1412 г. онъ былъ въ Римѣ, въ 1413 г. онъ былъ посланъ на Константскій соборъ, и здѣсь умеръ въ 1414 г. Какъ ни кратка была его преподавательская дѣятельность, результаты ея были во всякомъ случаѣ очень плодотворны. Отъ него ведеть свое начало систематическое и научное занятіе греческимъ языкомъ; онъ написалъ также грамматику своего языка, конечно исполненную значительныхъ недостатковъ и элементарную. Настойчивое желаніе современниковъ овладѣть греческой литературой, которому Петрарка и Боккаччіо могли удовлетворить лишь отчасти, наконецъ нашло средства для своего исполненія. Лекціи Кризолоры усердно посѣщались людьми высокопоставленными и находившимися въ зреломъ возрастѣ; это былъ первый литературно-образованный грекъ, занявшій каѳедру въ Италии, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ Леонтій Пилатъ. И дѣятельность его была также въ равной мѣрѣ важной для возрожденія латинскаго краснорѣчія, что наполило всеобщее признаніе даже со стороны тѣхъ, кто не былъ въ числѣ его учениковъ, какъ напр. Поджіо.

Подъ вліяніемъ такихъ людей и подъ непосредственнымъ ихъ примѣромъ сдѣлался гуманистомъ Леонардо Бруни. Будучи уроженцемъ Ареццо, онъ былъ названъ Леонардо Аretino. Когда въ 1384 г. изгнанные гибеллины, соединившись съ французскимъ войскомъ, подъ предводительствомъ Энгеррона де Куси силой вошли въ Ареццо и отвели въ Шіетрамалу отца Леонардо, Франческо Бруни, вмѣстѣ съ другими гражданами враждебной партіи, онъ самъ былъ заключенъ въ Кастель Кварату, но обходились съ нимъ хорошо; въ комнатѣ, гдѣ онъ находился, былъ нарисованъ портретъ Петрарки, и четырнадцати-пятнадцати-лѣтній мальчикъ, ежедневно смотря на этотъ портретъ, возгорѣлся необыкновенной жаждой къ знанію. Прибытіе Кризолоры отвлекло его отъ юриспруденціи, которую онъ занимался во Флоренціи и онъ въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ грече-

скій языкъ и въ тоже время находился въ интимныхъ отношеніяхъ со старикомъ Колуччіо. Его жизненная карьера была потомъ похожа на карьеру этого послѣдняго. По прибытии въ Римъ (1405) Иннокентій VII избралъ его папскимъ секретаремъ и эта должность сохранилась за нимъ и при слѣдующихъ папахъ. Въ 1410 г. онъ сдѣлался канцлеромъ во Флоренціи, но въ слѣдующемъ году снова занялъ свой постъ въ Куріи и въ 1414 г. отправился вмѣстѣ съ Иоанномъ XXIII на Константскій соборъ; вскорѣ, впрочемъ, онъ покинулъ этотъ городъ, ибо замѣтилъ опасность, которой онъ подвергался благодаря своимъ отношеніямъ къ низложенному папѣ, и въ 1415 году прочно поселился во Флоренціи. Начавъ писать исторію республики и кончивъ первую книгу, онъ получилъ права флорентинскаго гражданства (1416) и по окончаніи девяти книгъ (1439) почетное гражданство съ освобожденіемъ отъ налоговъ для себя и для своихъ дѣтей. Уже въ 1427 г. онъ снова былъ избранъ канцлеромъ.

Своимъ знаніемъ греческаго языка онъ воспользовался для цѣлаго ряда переводовъ на латинскій языкъ; онъ перевелъ книги: Аристотеля «Этику къ Никомаху» и «Политику», многіе діалоги Платона, нѣсколько жизнеописаній Плутарха, шесть рѣчей Демосѳена и одну рѣчь Эсхина. Онъ умеръ 9 марта 1444 г.; при погребеніи, на грудь ему возложили его историческій трудъ, и Джіанноццо Манетти сказалъ въ честь его похвальную рѣчь иувѣнчалъ его лавровымъ вѣнкомъ, почесть, которой до него былъ удостоенъ Колуччіо, а послѣ него многіе другіе гуманисты.

Никколо Никколи, одинъ изъ тѣхъ, благодаря чьимъ усиленіямъ былъ призванъ Кризолора, былъ сыномъ купца и самъ былъ предназначено для той же профессіи; но послѣ смерти отца онъ всецѣло обратился къ научнымъ занятіямъ. Онъ истратилъ на книги все свое значительное состояніе, такъ что долженъ былъ бы претерпѣвать нужду, если бы не получилъ поддержку отъ Козимо де'Медичи. Онъ также долженъ былъ обладать коллекціей картинъ, статуй и монетъ, которая почти не имѣла себѣ равной. Онъ не хотѣлъ занимать никакой должности, чтобы всецѣло жить для знанія и по этой же причинѣ не женился. Благодаря своимъ многоразличнымъ связямъ онъ умѣль тотчасъ же доставлять себѣ все, что открывалось новаго въ манускриптахъ, прежде чѣмъ они попадались въ руки другимъ; въ домѣ у него постоянно находились переписчики, онъ много переписывалъ самъ и нѣрѣдко также улучшалъ текстъ. Именно онъ усиленно побуждалъ Поджіо къ изысканіямъ въ иностранныхъ библіотекахъ.

Однако онъ не написалъ ничего по латински, друзья объясняли это тѣмъ, что онъ никогда не могъ дойти до чувства собственного удовлетворенія, враги же говорили, что онъ просто былъ не въ состояніи написать что-либо по латински; онъ написалъ только одно итальянское сочиненіе объ орѳографії, которое сильно осмѣялъ Гва-

рино въ одномъ изъ писемъ. Будучи всегда занятъ мыслями о классической древности, онъ сурово порицалъ все въ настоящемъ, благодаря чьему былъ строгимъ критикомъ другихъ; Поджо очень цѣнилъ его именно за эту откровенность, но онъ былъ также очень и ненавидимъ за свой острый языкъ и у него было много ожесточенныхъ враговъ. Многіе обращались къ нему за отзывомъ о своихъ литературныхъ произведеніяхъ и онъ свободно высказывалъ свое мнѣніе, послѣ чего вопрошившіе обыкновенно оскорблялись. Но для молодыхъ людей Никколи былъ сущимъ кладомъ, потому что онъ побуждалъ ихъ къ занятіямъ, руководилъ ими въ выборѣ авторовъ, снабжалъ ихъ своими книгами, заботился о выборѣ хорошихъ учителей. Ему принадлежитъ также слава основанія первой общественной библіотеки, ибо до тѣхъ поръ коллекціи книгъ служили обыкновенно для лицъ частныхъ и для корпораций. Для книгъ уже принадлежавшихъ Боккаччіо Никколи велѣлъ сдѣлать на свой счетъ въ монастырѣ S. Spirito шкафы и другія приспособленія, благодаря чьему сдѣлалось возможнымъ пользованіе ими болѣе многочисленной публикой. 4 февраля 1437 г. онъ умеръ въ возрастѣ 73 лѣтъ и оставилъ свое собраніе книгъ, около 800 томовъ, для основанія другой общественной библіотеки. Но такъ какъ у него было много долговъ, Козимо де'Медичи, расплатившись съ кредиторами, получилъ въ свою собственность всѣ эти книги, не измѣняя однако завѣщанного покойнымъ ихъ предназначенія; большую ихъ часть онъ помѣстилъ въ монастырѣ св. Марка, и позднѣе, послѣ различныхъ превратностей, эта коллекція книгъ послужила первымъ зерномъ Лоренціанской библіотеки.

Подобно Никколи, Палла Строцци оказалъ свое вліяніе не столько литературной дѣятельностью, сколько личнымъ примѣромъ. Принадлежа къ благородной флорентинской фамиліи и будучи вліятельнымъ государственнымъ человѣкомъ, онъ взялъ на себя значительную часть издержекъ, когда была основана каѳедра для Кризолоры, и озабочился потомъ, чтобы изъ Греціи были присланы недостающія книги. Въ 1428 г. онъ, также какъ Никколи, былъ избранъ въ число реформаторовъ университета, который былъ обязанъ главнымъ образомъ ему своимъ краткимъ раззвѣтомъ. По возвращеніи Козимо де'Медичи Палла Строцци, находясь уже въ возрастѣ 62 лѣтъ, долженъ былъ отправиться въ изгнаніе (1435), и до самой смерти (1462) болѣе уже не видалъ Флоренціи. Но какъ этотъ ударъ, такъ и другія превратности судьбы, старикъ выносилъ съ философской покорностью, относился къ своему родному городу съ неизмѣнной любовью и искалъ утѣшенія въ научныхъ занятіяхъ. Живя въ Падуѣ онъ взялъ въ свой домъ грека Іоанна Аргиропуло и позднѣе Андроника Каллисто, они оба преподавали ему греческій языкъ болѣе подробно и объясняли ему сочиненія Аристотеля. Къ числу учениковъ Кризолоры при-

надлежалъ также Амброджіо Траверсари. Родившись въ 1386 г., въ Портико, въ Романѣ, онъ юношей прибылъ во Флоренцію и тамъ вступилъ (1400) въ камальдульскій монастырь degli Angeli. Онъ переводилъ много съ греческаго на латинскій, по большей части церковныхъ писателей, но между ними также Діогена Лаэрція. У него, также какъ раньше у Марсили, собирались самые ученые люди города; Козимо и Лоренцо д'Медичи также почти ежедневно принимали участіе въ разсужденіяхъ. Фрате Амброджіо находился въ особенно тѣсной дружбѣ съ Никколо. Будучи вырванъ въ 1431 г. изъ тишины своей монастырской жизни избраніемъ въ Генералы камальдульского ордена, онъ въ качествѣ такового исполнялъ много общественныхъ обязанностей и по порученію папы Евгенія участвовалъ также въ Базельскомъ соборѣ, а потомъ былъ въ Германіи. Умеръ въ 1439 году.

XV вѣкъ былъ славной эпохой, вызвавшой возрожденіе знанія и искусства древнихъ и положившей основаніе для всего образованія современной Европы. Движеніе это, имѣвшее сперва свой центръ во Флоренціи и потомъ приобрѣтавшее все болѣе и болѣе прочную точку опоры, быстро распространилось по всей Италии, захвативъ главные интересы общества и вознаграждая за гнѣтъ политическихъ смутъ, даже какъ бы замаскировывая его своимъ ослѣпительнымъ блескомъ.

Бурныя средневѣковыя коммуны, которая притягивали къ себѣ всѣ силы гражданина, возбуждали его страсти, налагали на него тяжелыя обязанности, тогда уже исчезли, а вмѣстѣ съ ними исчезла и свобода. На ихъ развалинахъ возникло господство отдельныхъ лицъ, опиравшееся на силу и нуждавшееся въ этой послѣдней. Такимъ образомъ сложились формы правленія по большей части тиранническія, всецѣло проникнутыя интересами владыки и не принимавшія въ разсчетъ ни человѣчности, ни морали, разъ дѣло шло объ его интересахъ. Но у этихъ династій находились историки, ораторы, поэты, которые прославляли ихъ, ставили ихъ рядомъ съ древними великими дѣятелями, даже выше ихъ. За исключеніемъ аристократической Венеци, единственно, что еще оставалось отъ старинныхъ республикъ, это скорѣе имя, чѣмъ что-либо фактическое. Такъ было во Флоренціи, где во власти дома Медичи неизмѣнно подготавлялся принципатъ. Послѣ попытки сломить его съ помощью изгнанія Козимо (1433), этотъ послѣдній въ 1434 году побѣдоносно вернулся съ авторитетомъ еще большимъ, чѣмъ какимъ когда-либо обладала фамилія, и для владычества ему ничего больше не было нужно, какъ говорилъ папа Пій, (Comment. I. II, p. 50), nisi poteret et rompa. Послѣднія броженія республиканского духа проявлялись еще, послѣ того какъ открытая война противъ тираніи окончилась, въ безчисленныхъ заговорахъ, каковъ напримѣръ заговоръ Стефano Поркари въ Римѣ, при Николаѣ V (1453), заговоръ Джіаннандреа Лампуньани и его товарищей, умерт-

вившихъ Галеаццо Сфорца изъ Милана (1476), заговоръ Пацци во Флоренціи противъ Лоренцо и Джіуліано де' Медичи (1478). Въ этихъ заговорахъ часто проявлялся героизмъ, внущенный классическими идеями; но сопровождавшія ихъ неудачи способствовали лишь къ укрѣпленію тиранній.

Ослабѣли также и великие политические вопросы, служившіе дѣятельнымъ факторомъ въ средневѣковой жизни; борьба между папой и императоромъ кончилась. Папы, исключительное положеніе которыхъ въ мірѣ было поколеблено долгимъ изгнаніемъ въ Авиньонѣ, нападеніемъ соборовъ, стремленіемъ национальныхъ церквей къ независимости, правда, еще настаивали на своихъ претензіяхъ, но все болѣе и болѣе дѣлались мірскими князьями, власть ихъ все болѣе и болѣе основывалась лишь на ихъ территоріяхъ и на поддержкѣ союзниковъ. Нѣмецкіе императоры или совершенно не появлялись болѣе или, если приходили, какъ Сигизмундъ и Фридрихъ III, они мирно короновались, осматривали древности, дарили и продавали титулы и снова уходили за Альпы, не оказывая на дѣла страны вліянія, которое опять началось только при Максимилианѣ I. Мысль объ единству Италии, конечно, продолжала существовать, частью въ умахъ людей ученыхъ, какъ литературно-классической идеалъ, частью какъ честолюбивый замыселъ могучихъ династій. Джіангалеаццо Висконти изъ Милана повидимому стремился къ коронѣ короля Италии, желая достичь ея силой, хитростью и обманомъ; его враги, флорентинцы, ставили ему въ упрекъ такія стремленія, его партизаны, какъ напр. поэтъ Антоніо Лоски или Савіоццо изъ Сіены, побуждали его къ этому, и уже Флоренція подвергалась великой опасности, какъ вдругъ въ 1402 году онъ неожиданно умеръ въ возрастѣ всего 49 лѣтъ. Король Неаполя Владиславъ нѣсколько разъ занималъ Римъ, проникаль въ Тоскану, и Леонардо Аретино (Reg. Gest., p. 258) говоритъ, касательно Флоренціи и другихъ свободныхъ городовъ, что они не могли бы избѣжать подчиненія, въ особенности потому, что значительная часть гражданъ склонялась въ его пользу. Но и Владиславъ умеръ неожиданно, очень молодымъ (1414). Церковный расколъ, подававший предлогъ для политического единенія, прекратился. Вновь окрѣпшее папство и взаимная ревность властей Милана, Неаполя, Венеціи, сдѣлали его невозможнымъ.

Эта ревность, желаніе укрѣпить свои собственные владѣнія и увеличить ихъ на счетъ сосѣдей, наполнили страну постоянными мелкими войнами. Между государствами вошла въ обычай самая вѣроломная политика; клятвенно подтверждались мирные договоры, для того чтобы тотчасъ же быть разрушенными, и послѣ этого каждый изъ соперниковъ обвинялъ другого въ вѣроломствѣ, которымъ никто не гнушался, если можно было извлечь изъ него выгоду. Если ощущалась слабость, устремляли взглѣды за предѣлы государства, призывали на

помощь французовъ и нѣмцевъ, и противникъ, который при такихъ же обстоятельствахъ сдѣлалъ бы совершенно то же самое, говорилъ съ негодованіемъ о томъ, что въ Италію призываются варвары, какъ это мы видимъ въ канцонѣ Петrarки. Общественная мораль сдѣлалась пустой риторикой. И такія войны затягивались на долго и дѣлались крайне фатальными, въ особенности потому, что они велись съ помощью наемныхъ войскъ и ихъ кондотьеровъ, которые заботились только о деньгахъ и о военной славѣ, а не о самомъ дѣлѣ: собственный интересъ ихъ ремесла требовалъ продолженія войны. Другу они предѣли не менѣе, чѣмъ врагу, и взаимно щадили себя, устраивая безкровные сраженія. Малымъ утѣшеніемъ былъ тотъ фактъ, что солдаты эти не были чужеземцами, а итальянцами, что военное дѣло снова вступило въ стадію раззвѣта; во всякомъ случаѣ лица, исполнявшія военные обязанности, дѣйствовали не какъ граждане и не сражались за отечество. Италія была еще независима отъ иностранныхъ державъ, ея разрозненность не была большей, нежели въ предшествовавшія времена, но самая страна болѣе не интересовала гражданина; въ битвахъ, при заключеніи союзовъ, при утвержденіи мирныхъ договоровъ, дѣло шло объ интересахъ династическихъ. На мѣсто политическихъ страстей, волновавшихъ средневѣковья коммуны, выступили индифферентность и узкій индивидуализмъ. Не было недостатка въ великихъ людяхъ, были храбрые солдаты и полководцы, какъ Франческо Сфорца, Пиччинини, но не было национального войска; были искуснѣйшие государственные люди, самые утонченные дипломаты и однако же веденіе общественныхъ дѣлъ вовсе не процвѣтало, потому что не было общности задачъ.

Во вторую половину столѣтія настали болѣе мирныя времена и смуты не были такими общими и безпрерывными. Насталъ раззвѣтъ для крупныхъ городовъ, прежде всего для Флоренціи. Политика Лоренцо де'Медичи устанавляла равновѣсіе между наиболѣе крупными итальянскими областями и держала ихъ въ уздѣ. Но и этотъ періодъ, на который позднѣе оглядывались съ меланхолическимъ вздохомъ, не могъ быть продолжительнымъ; старинные мотивы раздора продолжали существовать, и въ качествѣ нового фермента присоединилось стремленіе папъ (отъ Каллиста III) дѣлать своихъ союзниковъ могутственными, основывать для нихъ независимое государство, которое теряло свою поддержку при перемѣнѣ верховнаго владыки Церкви. Наконецъ скрещеніе интересовъ и взаимныя угрозы были предлогомъ для призванія въ Италію чужеземныхъ владыкъ, и разрозненная неустроенная страна легко сдѣлалась ихъ добычей.

Гнетъ тираній, частыя волненія, все это должно было создавать условія, мало благопріятныя для развитія интеллектуального труда. Но энтузіазмъ побѣждалъ затрудненія, и положеніе людей ученыхъ, какъ ни страдали они отъ смутъ времени, вообще не было плохимъ.

Владыки охотно принимали ихъ въ число своихъ придворныхъ, иногда, конечно, лишь съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы блеснуть публично ихъ разговорами и ихъ стихами и такимъ образомъ передать потомкамъ собственную славу. Но нѣкоторые изъ властителей, кроме того, болѣе высоко ставили гуманистическая занятія; среди нихъ прежде всего нужно назвать короля Альфонса Аррагонскаго, по прозванию Великодушнаго (II Magnanimo), который послѣ долгой борьбы получилъ въ 1442 году Неаполь въ безвозбранное владѣніе и правилъ этимъ городомъ до 1458 года, затѣмъ Федериго да Монтефельтро, герцога Урбинскаго (1444—1482), собравшаго самую полную и разнообразную библіотеку, какая только могла существовать въ эту эпоху, и Козимо де Медичи.

Двое изъ пачъ того времени вышли изъ самой среды гуманистовъ и постепенно возвысились отъ скромнаго положенія ученаго до такого сана. Николай V (1447—1455), Томмасо Парентучелли, родившійся въ 1397 году, былъ сыномъ одного врача въ Сарцанѣ, долженъ былъ снискивать средства для своихъ занятій, исполняя обязанности домашняго учителя въ домѣ Ринальдо дельи Альбицци и Палла Строцци. Уже занимая мѣсто епископа Болоньи, онъ былъ ревностнымъ собирателемъ книгъ, и во время его папства громадныя денежныя суммы, принесенные въ сокровищницу юбилеемъ 1450 года, снабдили его богатыми средствами для построекъ, для значительного увеличения Ватиканской библіотеки и для щедраго вознагражденія за многочисленные переводы съ греческаго, сдѣланные по его указанію.

Пій II (1458—1464), сперва Энеа Сильвіо Пикколомини, родился въ 1405 году и происходилъ изъ знатной, но обѣдневшей сенезской фамиліи, жившій въ маленькомъ мѣстечкѣ Корсиньяно, которое онъ, будучи папой, украсилъ величественными постройками, поднявъ его до степени города, основалъ тамъ епископатъ и назвалъ его Піенцій. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ былъ ученикомъ Филельфо во Флоренціи, въ 1432 году въ качествѣ секретаря кардинала Доменико да Капраника онъ присутствовалъ на Базельскомъ соборѣ и затѣмъ въ теченіе краткаго периода времени исполнялъ ту же самую обязанность послѣдовательно при трехъ другихъ прелатахъ. Онъ сопровождалъ кардинала Santa Croce въ Арасъ, когда заключался миръ между Франціей и Бургундіей, былъ посланъ въ 1435 году съ дипломатическими порученіями въ Шотландію и черезъ годъ вернулся въ Базель, послѣ путешествія по Англіи, исполненного опасностей и приключеній. Хотя онъ и былъ еще міряниномъ, онъ игралъ значительную роль на соборѣ, получилъ голосъ, часто былъ избираемъ для исполненія различныхъ обязанностей и блесталъ своимъ ораторскимъ талантомъ. Также и конclave для избрания антипасы Феликса V возложилъ на него разныя порученія, и онъ былъ секретаремъ въ его куріи. Но такъ какъ положеніе это не было связано съ выгодами и удобствами,

онъ искалъ случая устраниться отъ собора. Въ 1442 году новый нѣмецкій король Фридрихъ III увѣнчалъ его поэтическими лаврами во Франкфуртѣ, куда онъ явился вмѣстѣ съ послами собора, отправленными на рейхстагъ, и вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто секретаря въ государственной канцеляріи. Сдѣлавшись интимнымъ другомъ канцлера Каспера Шликка, онъ постепенно сталъ получать все болѣе и болѣе важныя дѣла. Изъ ревностнаго партизана церковной свободы и церковныхъ реформъ онъ сдѣлался не менѣе ревностнымъ борцомъ папскаго абсолютизма, пока, наконецъ, самъ достигнувъ тиары, онъ не осудилъ торжественно, буллой *Ehescrabilis*, призывы къ всеобщему собору. Въ началѣ 1445 года, будучи посланъ въ Римъ королемъ Фридрихомъ, онъ объяснилъ папѣ Евгенію, что онъ заблуждался, что теперь онъ позналъ истину и раскаивается, благодаря чему онъ легко получилъ прощеніе. Послѣ этого онъ состоялъ агентомъ папы при нѣмецкомъ дворѣ и его ловкіе маневры не мало содѣйствовали сперва подчиненію Фридриха, а потомъ и подчиненію Германіи папскому престолу. Въ награду за эти услуги онъ былъ избранъ епископомъ Триеста (1447), а потомъ епископомъ Сіены (1450). Но его честолюбивые замыслы шли дальше, причемъ ему однако пришлось бороться съ антипатіей, которую возбуждало отступничество. Наконецъ при Каллистѣ III онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ (1456), а въ слѣдующемъ конclave былъ избранъ папой.

Энеа Сильвіо былъ писателемъ плодотворнымъ. Въ молодости, когда онъ еще велъ легкомысленную жизнь, онъ писалъ фривольные стихи, эпиграммы, написалъ комедію *Chrisis* въ грубомъ вкусѣ римлянъ (1444), защищалъ въ своихъ письмахъ очень свободно права природы и ошибки своей собственной чувственности и написалъ сладострастную исторію любви Эвріала и Лукреціи (равнымъ образомъ въ 1444 году); будучи папой, онъ горько раскаивался, что написалъ ее и старался исправить свою погрѣшность, стихотвореніемъ, которымъ предостерегалъ противъ Амура: *Aeneam rejjicite, Pium suscipite*. Важнѣйшими его произведеніями являются историческая и географическая работы, Комментаріи касательно Базельского собора, исторія Фридриха III, исторія Богеміи, и два еще болѣе обширные труда, для составленія которыхъ онъ нашелъ досугъ еще во время своего папства, будучи обремененъ разными дѣлами, именно Космографія и Комментаріи касательно собственной эпохи. Къ этому присоединяется цѣлый рядъ мелкихъ историческихъ сочиненій и многочисленныя рѣчи и письма. Какихъ поощреній могли ожидать ученые отъ такого человѣка, когда онъ занялъ папскій престолъ! Однако они были разочарованы. Всѣ свои помыслы, всѣ средства, находившіяся въ его распоряженіи, онъ обратилъ теперь на приготовленіе къ великой войнѣ противъ Туровъ и къ борьбѣ за неаполитанскую корону послѣ смерти короля Альфонса. Затѣмъ и собственная его литературная дѣятельность дѣлала его болѣе индиф-

ферентнымъ по отношеню къ работѣ другихъ; поэтому Филемъфо, разыгравшій роль его старого учителя и тщетно ожидавшій безмѣрной отплаты, говорилъ, что Никколомини изъ зависти держить далеко отъ себя ученыхъ и поэтовъ, ибо хочетъ считаться не только summus pontifex, но и summus orator atque poeta.

Поджіо (напр., De Infoelic. Principum) и Филемъфо (напр., Sat. IV, 4) очень много жалуются на враждебная для Музъ времена, на войны, на всеобщую алчность, которая не щитъ ни добродѣтели, ни таланта, на малое количество богатыхъ и могущественныхъ людей, которые бы покровительствовали знанію и поэзіи; Кампано (Carm. VIII, 45) описываетъ положеніе поэтовъ, какъ самое жалкое, какъ единственное, при которомъ за трудъ не платятъ должного вознагражденія, вздыхаетъ, видя что геликонская гора рушится и кастильскій источникъ превратился въ болото. Но такія жалобы всегда можно слышать отъ лицъ вѣчно недовольныхъ, которые въ другихъ мѣстахъ противорѣчатъ сами себѣ. На самомъ дѣлѣ въ покровительствѣ не было недостатка и со временемъ древности писателямъ никогда не выпадало такъ много почестей и наградъ.

Петраркъ удалось найти нѣсколько важныхъ сочиненій античныхъ авторовъ, въ особенности Цицерона; Колуччіо привелъ въ извѣстность письма этого послѣдняго ad familiares. Цѣлый рядъ открытій, послѣдовавшихъ въ первыя десятилѣтія XV вѣка, увеличилъ обладаніе произведеніями римской литературы почти въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ оно съ тѣхъ поръ и осталось. Счастливѣе, чѣмъ кто-либо другой былъ въ этомъ отношеніи Поджіо Браччолини; онъ родился въ 1380 году, въ Террануовѣ, въ мѣстечкѣ находящемся во флорентинской территоріи, а съ 1414 года былъ папскимъ секретаремъ. Какъ Леонардо Аretino, онъ въ 1404 году вмѣстѣ съ папой Ioannomъ XXIII отправился на Константійский соборъ и оставался тамъ также и послѣ низложенія папы. По побужденію Никколи онъ сталъ искать манускриптовъ въ сосѣднихъ монастыряхъ и во время одной экскурсіи въ С. Галло нашелъ въ одной башнѣ, въ пыли и мусорѣ, одну часть Arogonautica Валерія Флакка, комментарій Асконія Педана къ пяти рѣчамъ Цицерона и, что важнѣе всего, онъ нашелъ пѣликомъ Квинтиліана, въ то время какъ Петрарка обладалъ только испорченнымъ манускриптомъ. Сколько торжества и радости пробудило въ средѣ флорентинскихъ друзей извѣстіе объ этомъ открытии! «О, громаднѣйшее пріобрѣтеніе!» восклицаетъ Леонардо Аretino (Epist. IV, 5). «О, нежданная радость! Я тебя увижу цѣлымъ и неприкосновеннымъ, о, Маркъ Фабій!» «Всѣ народы Этруріи, говоритъ онъ, должны были бы сбѣжаться, для того чтобы поздравить другъ друга съ такимъ счастьемъ, когда Поджіо посыпаетъ въ нашу среду великаго маэстро краснорѣчія, освобожденного отъ долгаго варварскаго плѣна». Эта фраза Леонардо, льстившая итальянскому патріотизму,

сдѣлалась общимъ мѣстомъ, и потомъ самъ Поджіо часто употреблялъ ее, а за нимъ также и другіе. И такимъ образомъ онъ продолжалъ освобождать великихъ римлянъ изъ подземныхъ темницъ германцевъ и галловъ, которые не подозрѣвали о своихъ богатствахъ, нашелъ Silvae Стация, Punica Силія Италика, Astronomica Манилія, и во время путешествія во Францію онъ нашелъ въ Клюни и Лангрѣ десять рѣчей Цицерона. Изъ другихъ важныхъ открытій, сдѣланныхъ тогда, нужно прежде всего упомянуть о манускрипты Цицерона, найденномъ въ Лоди, епископомъ этого города Герардо Ландріані, и содержащемъ между прочимъ De Oratore, Orator и Brutus (1422), и объ открытіи двѣнадцати, изъ двадцати, комедій Плавта, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ; манускрипты, содержащіе ихъ, въ 1429 году, по побужденію Поджіо, купилъ въ Римѣ кардиналъ Орсіні у пѣкоего Никколо ди Тревири.

Поджіо былъ также болѣе дѣятеленъ, чѣмъ кто-либо, въ распространеніи сокровищъ вновь увидѣвшихъ свѣтъ и въ извлечениіи изъ нихъ пользы. Отправившись, послѣ окончанія собора, въ Англію на службу къ могущественному кардиналу Бофора, епископу винчестерскому, онъ на некоторое время, правда, отказался отъ занятій, которыхъ были до этихъ поръ его излюбленными; будучи погруженъ въ религіозныя мысли, онъ всецѣло отддался занятіямъ теологіей и въ теченіе четырехъ лѣтъ подрядъ не прочелъ ни одной классической книги. Но эти приступы аскетизма были уклоненіемъ отъ его натуры, и едва только онъ вернулся въ Римъ и занялъ прежнее мѣсто папскаго секретаря (1423), какъ въ немъ проснулись старыя наклонности. Онъ ревностно заботится объ основаніи библіотеки классическихъ авторовъ, держитъ у себя переписчиковъ, которыхъ научаетъ прекрасному почерку, переписываетъ самъ, если это нужно, и исправляетъ текстъ съ помощью другихъ документовъ. При этомъ онъ постоянно наблюдаетъ самъ, не возникаетъ ли гдѣ надежда сдѣлать новое открытие, что нерѣдко конечно приводило къ разочарованіямъ, какъ это было съ поисками полнаго Ливія и De republica Цицерона. Онъ собиралъ скульптурныя изваянія, заставилъ францисканца Франческо изъ Пистойи, странствовавшаго по Востоку, покупать для себя статуи, бюсты, камеи, и просилъ у своихъ корреспондентовъ въ Хіосѣ и Родосѣ доставлять ему такія же произведенія искусства. Въ 1434 году онъ вмѣстѣ съ папой Евгеніемъ покинулъ Римъ и отправился въ Флоренцію; тамъ, будучи уже 55 лѣтъ отъ роду, онъ женился (въ концѣ 1435 года) на восемнадцатилѣтней флорентинской девушкѣ по имени Ваджія, изъ благородной фамиліи Буондельмонти, съ которой, несмотря на громадную разницу въ возрастѣ, жилъ въ счастливомъ супружествѣ. Въ своемъ родномъ мѣстечкѣ Террануовѣ онъ выстроилъ себѣ красивый обширный домъ, гдѣ помѣстилъ свою библіотеку и коллекцію древностей;

онъ вель здѣсь уединенную жизнь, почти въ теченіе десяти лѣтъ (1445—1450), занимаясь землемѣлемъ и научными работами и будучи окруженою своими многочисленными дѣтьми. Въ 1453 году онъ сдѣлался флорентинскимъ канцлеромъ и, занимая этотъ постъ, написалъ свою *Storia Fiorentina*, но умеръ 30 октября 1459 года до опубликованія ея, о чемъ позабылся потомъ сынъ его Якопо.

Наравнѣ съ интересомъ къ литературнымъ памятникамъ древности все болѣе и болѣе возбуждался интересъ къ руинамъ ея великолѣпныхъ зданій. Эти руины, передъ которыми раньше проходили съ безстрастнымъ равнодушіемъ и относительно которыхъ средневѣковая фантазія создала массу разнообразныхъ вымысловъ, начали теперь говорить своимъ собственнымъ языкомъ. Съ вниманіемъ и съ восхищеніемъ смотрѣли теперь на стѣны, на статуи, на гробницы, которая въ то время гораздо болѣе часто, чѣмъ теперь, представлялись взорамъ на этой классической почвѣ. Леонардо Аретино, съ восхищениемъ описываетъ въ одномъ письмѣ (III, 9) древнія ворота и мостъ въ Римини; венеціанецъ Франческо Барбаро, рассказывая о своемъ посланичествѣ въ Римъ въ 1426 году, съ энтузіазмомъ говоритъ о громадномъ впечатлѣніи, производимомъ памятниками и историческими воспоминаніями. Поджю дѣлаетъ экскурсіи въ Фіорентино, въ Фраскати, въ Гrottafferратѣ и въ Альбано, чтобы познакомиться съ древностями, (Epist. III, 19 и слѣд., 1428, и IV, 13, 1430). Онъ изучалъ руины въ самомъ Римѣ, читаль на нихъ надписи и обнаруживалъ такимъ образомъ ихъ истинный смыслъ, освобождался отъ ложныхъ традицій, которыми еще былъ обманутъ Петрарка. Онъ собралъ небольшую коллекцію надписей, чтобы обезпечить ихъ сохранность, и въ началѣ своей книги *De varietate fortunae* сдѣлалъ перечисленіе римскихъ руинъ еще существующихъ. Попытку написать топографію древняго города, съ отождествленіемъ его общественныхъ зданій, сдѣлалъ Флавіо Біондо въ своей *Roma instaurata*. Папа Шій II посѣтилъ античныя руины въ Тиволи (1460), въ Остіи, въ Альбано и близъ озера Неми (1463) и описалъ ихъ подробно въ своихъ *Memorie*. Чиріако де'Шицциолли изъ Анконы (1391—1449) неустанноѣздилъ по различнымъ мѣстностямъ Италии,ѣздилъ много разъ по Греціи и Малой Азіи, и достигалъ Египта; вездѣ онъ собиралъ монеты, драгоценные рѣзные камни, бронзу, вазы, скульптурныя изваянія, книги, списывалъ надписи, срисовывалъ памятники и записывалъ свои наблюденія въ путевые дневники, которые къ сожалѣнію по большей части утрачены. Если Чиріако спрашивали, что онъ дѣлалъ, онъ отвѣчалъ, что онъ былъ занятъ воскресеніемъ мертвыхъ.

Изученіе греческаго языка, начавшееся собственно съ прибытиемъ изолоры, продолжалось подъ руководствомъ многихъ другихъ грековъ, пришедшихъ въ Италію въ теченіе XV столѣтія. Георгій Тра-

изъ Крита, былъ въ Венеции уже въ 1420 году, училъ при папѣ Николаѣ въ Римѣ и умеръ въ возрастѣ девяноста лѣтъ въ 1484 году; Феодоръ Газа изъ Салоникъ, авторъ очень употребительный греческой грамматики, нѣсколько лѣтъ училъ въ Феррарѣ, по томъ папа Николай V выбралъ его профессоромъ въ римскомъ университѣтѣ, онъ умеръ въ 1475 году, будучи аббатомъ S. Giovanni въ Пизѣ, въ Калабріи; Іоаннъ Аргиропуло, позднѣе (около 1441 года) жившій въ Падуѣ при Палла Строцци, получилъ приглашеніе въ 1456 году во Флоренцію отъ Козимо де'Медичи; Андроникъ Каллистъ изъ Константинополя жилъ равнымъ образомъ при Палла Строцци (около 1461 года), училъ въ Болоньї, въ Римѣ и во Флоренціи, всегда долженъ былъ бороться съ бѣдностью и умеръ въ далекой Англіи; Константинъ Ласкарисъ изъ Константинополя (1434—1501) преподавалъ въ Миланѣ съ 1460 года и потомъ до своей смерти въ Мессинѣ съ 1466 г.; Димитрій Калкондила, аѳинянинъ, (1424—1511), преподавалъ съ 1448 года въ Римѣ, потомъ въ Падуѣ, во Флоренціи, какъ преемникъ Аргиропуло, и въ возрастѣ очень преклонномъ училъ въ Миланѣ (1492 года).

Такъ какъ Греція находились подъ гнетомъ турокъ, греки стали болѣе склонны къ возобновившимся попыткамъ церковнаго единенія. На соборѣ, созданный Евгеніемъ IV сперва въ Феррарѣ (1438) и потомъ перенесенный по причинѣ чумы во Флоренцію (въ началѣ 1439), явился самъ императоръ константинопольскій и съ нимъ болѣе чѣмъ пятьсотъ грековъ, среди нихъ много людей очень видныхъ, а также и свѣдущихъ по части классическихъ доктринъ.

Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ епископъ никейскій Виссарионъ, родившійся въ Трапезундѣ (1403—1472); онъ съ неотступнымъ рвениемъ боролся за единеніе; потомъ когда его соотечественники снова отказались отъ этой мысли, онъ поселился въ Италии, сдѣлался кардиналомъ (1439), былъ епископомъ Сабины и Тускула (1449), позднѣе архіепископомъ Негропонта и патріархомъ Константинополя (1493) и ему были довѣрены многія миссіи. Постоянной задачей всей его жизни было стремленіе оказать помощь своей несчастной родинѣ противъ турокъ. Его палаццо въ Римѣ было мѣстомъ сборища для гуманистовъ, онъ образовалъ соединительное звено между греками и латинянами, далъ прибѣжище многимъ изъ своихъ соотечественниковъ и доставилъ имъ занятія. Свою богатую коллекцію греческихъ и латинскихъ манускриптовъ онъ принесъ въ даръ венецианской республикѣ и это собраніе послужило такимъ образомъ основаниемъ для библіотеки св. Марка.

Нѣкоторые изъ итальянскихъ гуманистовъ не ограничивались изученіемъ греческаго языка въ предѣлахъ своей родины, но сами отправлялись въ Грецію, въ особенности преслѣдуя цѣль добить манускрипты. Джованни Ауриспа изъ Нoto въ Сициліи (1369—1459),

возвращаясь въ 1423 году изъ Константиноополя, привезъ съ собой до 300 кодексовъ. Гварино изъ Вероны (1370—1460) былъ въ Константиноополѣ ученикомъ Кризолоры и оставался тамъ 5 лѣтъ, былъ профессоромъ греческаго языка въ Флоренціи съ 1408 до 1414, учили потомъ въ Венеции, учили въ своей родной Веронѣ и, наконецъ, съ 1429 года въ Феррарѣ, гдѣ его школа сдѣлалась очень знаменитой, такъ что слушатели стекались къ нему со всѣхъ сторонъ, даже изъ Венгрии и Англии. О своемъ учителѣ Кризолорѣ онъ сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе, создалъ цѣлый кульпъ и собралъ въ книгѣ озаглавленный *Chrysolorina* все, что было написано въ похвалу ему стихами и прозой.

Истиннымъ представителемъ греческой учености въ Италіи считалъ себя тщеславный Франческо Филельфо, работы которого никоимъ образомъ не соответствуютъ высокому его представлению о самомъ себѣ и его авторитету среди современниковъ. Родившись въ Толентино, въ области Анконы, 25 іюля 1398 года, онъ учился въ Падуѣ и самъ учили уже въ 18 лѣтъ. Въ 1420 году онъ былъ посланъ изъ Венеции въ Константинополь въ качествѣ секретаря Баило; тамъ онъ изучалъ греческій языкъ подъ руководствомъ Иоанна Кризолоры, племянника Иммануила, и послѣ его смерти подъ руководствомъ Кризококки, гдѣ вмѣстѣ съ пимъ учился и Вискаріонъ. По порученію Баило онъ отправился посланникомъ къ султану Мурату II и потомъ поступилъ на службу къ императору Иоанну Палеологу, который отправилъ его въ качествѣ послана въ Буду къ императору Сигизмунду. Находясь въ свитѣ этого послѣдняго, онъ присутствовалъ въ Краковѣ на свадьбѣ Владислава II короля польскаго (1424) и держалъ тамъ рѣчь. Этими дипломатическими путешествіями и приобрѣтенными въ нихъ знакомствомъ съ народами и странами онъ позднѣе очень хорошо воспользовался, когда давалъ указанія и совѣты во время войны противъ турокъ.

По возвращеніи въ Грецію онъ женился на Феодорѣ, дочери Иоанна Кризолоры, и въ 1427 году, послѣ отсутствія продолжавшагося семь съ половиной лѣтъ, снова отплылъ въ Венецию. Немного спустя онъ отправился въ Болонью, гдѣ преподавалъ краснорѣчіе и моральную философию, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ 450 дукатовъ, а въ апрѣль 1429 года принялъ приглашеніе прибыть во Флоренцію. Хотя здѣсь онъ вскорѣ и замѣтилъ, что при партійной борьбѣ ему приходится плавать между Сциллой и Харибдой, тѣмъ не менѣе радостно писалъ къ Джованни Ауриспа (31 іюля 1429 года).

Городъ ему чрезвычайно понравился; всѣ его почитаютъ, у всѣхъ на устахъ его имя; не только самые знатные мужчины, но и самыя знатныя женщины уступаютъ ему мѣсто на улицѣ, такъ что ему почти приходится стыдиться. Ежедневно у него 400 слушателей, быть можетъ даже и больше, и среди нихъ люди зрѣлые и благо-

роднаго происхождения. Болтливый Никколо Никколи и молчаливый и мрачный Карло Аретино, равнымъ образомъ регулярно ходившіе на его лекціи, показались ему подозрительными, однако онъ ихъ еще не боялся, но вскорѣ они сдѣлались для него болѣе опасными, получивъ поддержку въ лицѣ Козимо де' Медичи. Пребываніе во Флоренціи мало - по - малу сдѣлалось ему непріятнымъ, хотя онъ все продолжаетъ хвастаться своей знаменитостью, общей любовью, которой онъ пользуется у всѣхъ, исключая людей дурныхъ.

Однажды весной въ 1433 году, въ то время какъ онъ отправлялся утромъ на лекцію, на него напалъ коварный убійца, извѣстный Филиппо Казале; онъ его оттолкнулъ, но тѣмъ не менѣе получилъ рану въ лицо. Филельфо приписалъ вину приверженцамъ Козимо, хотя этотъ послѣдній предложилъ ему назначить для преступника строгое наказаніе, и когда Козимо въ теченіе нѣкотораго времени былъ побѣжденъ своими политическими врагами и заключенъ въ тюрьму, Филельфо воспѣлъ свое торжество въ одной изъ сатиръ (IV, 1) и убѣждалъ гражданъ присудить его къ смерти, потому что, будучи изгнанъ, онъ вернется только еще болѣе могущественнымъ и еще болѣе страшнымъ. Въ этомъ онъ и не ошибся. Послѣ побѣды Медичи онъ покинулъ городъ и изъ Сіены направилъ новыя нападки на Козимо, Никколо, Поджіо, въ то время какъ во Флоренціи онъ черезъ посредство публичнаго декрета былъ объявленъ мятежникомъ.

Въ Сіенѣ опять появился злодѣй Филиппо, но такъ какъ Филельфо былъ заранѣе извѣщенъ объ угрожавшей опасности, преступникъ былъ схваченъ и примѣрно наказанъ: ему отрубили правую руку. Чтобы отомстить за себя, Филельфо вмѣстѣ съ другими изгнаниками послалъ во Флоренцію греческаго наемнаго убійцу съ порученіемъ убить Козимо, этотъ послѣдній также былъ схваченъ и указалъ имена лицъ, его пославшихъ; ему были отрублены обѣ руки, а у Филельфо, если бы онъ попался въ руки флорентинской коммуны, былъ бы отрѣзанъ языкъ. Тѣмъ не менѣе въ 1437 году и въ 1438 Козимо черезъ посредство Амброджіо предложилъ миръ, но Филельфо презрительно отвергъ это предложеніе, въ дѣйствительности потому, что находясь во Флоренціи онъ всетаки былъ бы въ опасности.

Въ Сіенѣ, гдѣ онъ пробылъ четыре года, онъ также не чувствовалъ у себя твердой почвы подъ ногами и его положеніе въ университѣтѣ не соотвѣтствовало его желаніямъ. Въ 1439 году онъ впервые отправился въ Болонью на одинъ семестръ и получилъ за короткій срокъ 450 дукатовъ, жалованье, которое тогда въ Италии было неслыханнымъ. Но, прежде чѣмъ миновалъ срокъ, онъ уже находился въ Миланѣ. Герцогъ Филиппо Марія Висконти былъ однимъ изъ немногихъ лицъ, о которыхъ Филельфо не могъ говорить ничего, кроме хорошаго; и при жизни и послѣ смерти онъ ку-

риль ему юміамъ, ставиъ его въ примѣръ другимъ князьямъ, въ особенности восхвалялъ его кротость и щедрость. Дѣйствительно, герцогъ даль ему пенсю сперва въ 500, а затѣмъ въ 700 дукатовъ и подарилъ ему красивый домъ (Sat. VII, 2). Здѣсь онъ имѣлъ также благопріятный случай довести до исполненія свой планъ мести противъ Медичи; убѣждая къ войнѣ противъ Флоренціи, онъ нашелъ сочувствіе у Филиппо Марія, и когда герцогъ послалъ въ 1440 году Никколо Пиччинини противъ республики, онъ писалъ изгнаннику Ринальдо дельп Альбицци, ободряя его и называя себя самого виновникомъ этого похода, писалъ также длинныя письма къ *senatus et populus Florentinus* и къ самому Козимо, убѣждая заключить миръ съ добродѣтельнымъ княземъ Филиппо Марія и призвать назадъ изгнанную аристократическую партію.

Послѣ смерти герцога (1447) и во время смуты въ Миланѣ Филельфо серьезно помышлялъ о примиреніи съ Козимо и взялъ назадъ всѣ оскорблениа, которыми пятналъ его,—отреченіе, которое было такъ же безстыдно, какъ и предшествующія нападенія. Но когда Франческо Сфорца овладѣлъ городомъ (1450), онъ остался въ Миланѣ. Годъ спустя онъ началъ свою эпическую поэму *Sforziade* и замыслилъ также написать прозаическую исторію жизни и дѣяній Франческо Сфорца, и въ обоихъ произведеніяхъ наряду съ этимъ княземъ должны были получить восхваленія еще нѣкоторые другіе, какъ напр. Сигизмондо Малатеста, Лодовико и Карло Гонзага, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться обязанными расплатиться деньгами съ жадной музой гуманиста.

Послѣ утраты своей супруги Феодоры (1441) Филельфо рѣшился поступить въ монастырь; герцогъ Филиппо Марія отклонилъ его отъ этой мысли и женилъ его на прекрасной и богатой миланской девушкѣ Орсинѣ Оснага. Когда и эта въ 1448 году умерла, къ Филельфо вернулись его набожныя мысли; онъ испросилъ у папы Николая позволеніе вступить въ духовное званіе (Sat. IX, 8), и получилъ его несмотря на то, что вообще это не позволялось тѣмъ, кто бытъ дважды женатъ (Sat. X, 4). Но тогда обнаружилось, чего онъ хотѣлъ, прощаюсь съ міромъ:

At postquam sanctae statuis me, maxime praeſul,
Scribere militiae, scribas precor ordine certo:
Nam quod grande potest obiisse gregarius ullum
Miles opus?...

Конечно онъ хотѣлъ этого не изъ жадности, но изъ желанія служить церкви своей эрудиціей! Когда же онъ увидалъ, что преображеніе, епископство и все, чего онъ ждалъ, не пришло, онъ не захотѣлъ ничего знать о духовномъ состояніи и женился въ третій разъ на миланкѣ Лаурѣ Маджюлини (около 1452 года).

Тѣмъ не менѣе папа, неудовлетворивъ его желанія, выказывалъ благосклонность къ нему, какъ и вообще ко всѣмъ гуманистамъ. Его также желалъ видѣть король Альфонсъ, и путешествіе въ Римъ и Неаполь, которое Филельфо совершилъ въ 1453 году, сложилось, для него (если только мы можемъ ему вѣрить) въ настоящей тріумфѣ. Удаляясь, онъ не имѣлъ намѣренія болѣе продолжать свое пребываніе въ Римѣ, но когда онъ готовился сѣсть на лошадь, явился папскій секретарь Піетро да Ночето и почти насильно отвелъ его къ папѣ, который подарилъ ему пятьсотъ дукатовъ и не отдалъ ему назадъ тома сатирикъ, предназначенныхъ для короля, прежде чѣмъ Филельфо не прочиталъ ихъ ему цѣликомъ. Альфонсъ, послѣ того какъ Филельфо прочелъ ему свои стихотворенія, сдѣлалъ его въ Капуѣ cavaliere a spron d'oro, осипалъ его похвалами и увѣнчалъ его лавровымъ вѣнкомъ. На возвратномъ путешествіи онъ былъ сдѣланъ еще папскімъ секретаремъ и получилъ почести и дары при дворахъ болѣе мелкихъ князей, которыхъ онъ посѣтилъ по дорогѣ.

Съ какимъ удовольствиемъ Филельфо разсказываетъ обо всѣхъ этихъ почестяхъ! Какъ часто въ своихъ письмахъ онъ хвастается почитаніемъ, которое было выказано ему князьями и городами, соперничавшими между собой изъ-за удовольствія видѣть его у себя или даровать ему свои милости! Даже у турокъ его имя было известно и почитаемо, и когда при взятіи Константинополя попали въ плѣнъ также его теща и двѣ ея дочери, стоило только Филельфо написать султану Махмуду стихотвореніе и письмо, какъ онъ освободилъ этихъ женщинъ безъ выкупа. Никто болѣе его самаго не распространялъ такъ свою славу; онъ былъ увѣренъ, что у него нѣтъ равныхъ. Онъ писалъ также стихи и по гречески, чего не дѣлалъ до него никто у латинянъ, и упражнялся во всѣхъ родахъ стиля, и, какъ онъ думалъ, во всѣхъ получилъ пальму первенства. Когда Поджіо восхваляетъ себя, онъ только сравниваетъ себя съ современными дѣятелями, древнихъ же всегда исключаетъ, какъ несравненныхъ. Но Филельфо возвышаетъ себя и въ ущербъ имъ, онъ превзошелъ Виргилія и Цицерона, перваго—потому что онъ также и ораторъ, а втораго—потому что онъ также и поэтъ, и всѣхъ—потому что онъ владѣеть обоми классическими языками. Такъ говорить онъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ.

При Франческо Сфорца онъ болѣе уже не былъ доволенъ своимъ положеніемъ въ Миланѣ; онъ долженъ былъ долго ждать, прежде чѣмъ было назначено его содержаніе; потомъ онъ чувствовалъ недостатокъ въ деньгахъ и уплата жалованья производилась неправильно. Филельфо пришелъ въ бѣшенство, осипалъ казнача оскорблѣніями и угрожалъ перейти къ врагамъ герцога, венеціанцамъ, которые ему дадутъ 700 дукатовъ. Это было лѣтомъ 1452 года. Съ тѣхъ поръ опять продолжаются все новыя и новыя жалобы на бѣдность, на недостатокъ

въ костюмахъ, въ книгахъ, которых онъ долженъ закладывать, даже на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и топливѣ. Онъ самъ признается, что могъ бы быть богатымъ, потому что никто, ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, не получалъ такъ много за свои научные занятія, какъ онъ, но все, что онъ получалъ, онъ быстро издерживалъ на себя и на другихъ и ставилъ себѣ это въ заслугу. Очень большая семья (у него было двадцать четыре законныхъ ребенка и кромѣ того нѣсколько незаконныхъ), большія траты на слугъ и лошадей, все это ему стоило многаго, между тѣмъ какъ нерѣдко онъ долженъ былъ долго, а иногда и тщетно, ждать уплаты своихъ пенсій. Повидимому, онъ также преувеличивалъ свою нужду, чтобы болѣе успѣшно выпрашивать деньги у знатныхъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно безстыденъ; въ особенности онъ считалъ своихъ покровителей обязанными давать приданое его дочерямъ и каждому въ частности назначалъ сумму, которую онъ долженъ былъ уплатить. 13 июня 1459 года онъ написалъ кардиналу Вискаріону греческое письмо, гдѣ говорилъ что хочетъ погасить свой долгъ ему и святому отцу Пію II, т. е., написать стихи, получивъ въ обмѣнъ деньги, и что чѣмъ богаче они его сдѣлаютъ, тѣмъ болѣе онъ будетъ развлекать ихъ своими одами. И онъ также былъ готовъ расплачиваться другими услугами за дары великихъ міра сего; онъ игралъ роль сводника въ любовной исторіи Карло Гонзага съ одной замужней піачентинкой. Но если онъ обманывался въ своихъ расчетахъ на чью-либо щедрость, тогда его безмѣрныя хвалы превращались въ безмѣрное поношеніе. Въ то время какъ Пій II лежалъ въ Анконѣ при смерти, Філельфо издѣвался надъ нимъ въ своихъ эпиграммахъ, исполненныхъ холоднаго сарказма, и послѣ его смерти ликовалъ, поздравляя римскую Церковь, сочинилъ для него пасмѣшивую эпітафию, въ цѣломъ рядѣ бѣшеныхъ памфлетовъ осквернялъ память покойнаго, причемъ главной виной его была конечно неблагодарность по отношенію къ нему, къ его учителю, Філельфо, которому онъ столькимъ былъ обязанъ, даже косвеннымъ образомъ самымъ папствомъ, ибо онъ достигъ этого сана черезъ посредство гуманистического образования, полученнаго отъ него. Такія вещи онъ писалъ новому папѣ, самому Павлу II, чѣмъ очень скандализировалъ римскій дворъ. Коллегія кардиналовъ пожаловалась на него герцогу, тотъ на краткое время подвергъ гуманиста заключенію и запретилъ ему писать что-либо подобное. Позднѣе Філельфо ради материальныхъ выгодъ старался примириться съ племянниками Пія II и даже дошелъ до того, что взялъ всѣ слова назадъ.

Въ преклонномъ возрастѣ онъ стремился доставить себѣ въ куріи удобное и доходное мѣсто, онъ говорилъ, что утомился придворной жизнью и желаетъ покоя. Всякій конклавъ приводитъ его въ состояніе ажитациі; онъ пишетъ кардиналамъ, которые имѣютъ нѣко-

торое вѣроятіе успѣха, и всѣмъ имъ предсказываетъ папство, для того чтобы потомъ напомнить выбранному о своихъ предсказаніяхъ и обратиться къ нему съ просьбой. Съ Павломъ II ему не посчастливилось; но Сикстъ IV послѣ нѣкотораго колебанія пригласилъ его въ качествѣ профессора въ римскій университетъ и снова сдѣлалъ его папскимъ секретаремъ. По всегдашней своей манерѣ Филемъ сначала видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ; городъ и дворъ, это—сущій рай; но, отправившись въ іюнь 1475 года въ Миланъ, чтобы взять свою семью, онъ снова бранить курію, упрекая ее въ скучности. Пробывъ въ Римѣ вторично нѣсколько мѣсяцевъ въ началѣ 1476 года, и потомъ вернувшись въ Миланъ (6 Іюня 1476 года), онъ узналъ, что его третья жена Лаура уже два дня какъ умерла и погребена. Самъ онъ, находясь въ возрастѣ 78 лѣтъ, сохранилъ всю свою силу и здоровье непоколебимыми, а также и свой прежній сангвинический temperamentъ. Въ письмахъ къ папѣ онъ обвиняетъ его казненача Меліада Чигала изъ Генуи въ самыхъ тяжкихъ и грязныхъ преступленіяхъ и совѣтуетъ ему повѣсить или сжечь преступника. Онъ оставался въ Миланѣ, гдѣ лѣтомъ въ 1477 году получилъ жалованье; но и Флоренція опять манила его къ себѣ; онъ сумѣлъ льстивыми словами снискать расположение Лоренцо де'Медичи, который уничтожилъ старый декретъ объ изгнаніи и предложилъ ему каѳедру греческаго языка. Но дорожное утомленіе въ связи съ страшной жарой вызвало у 83-лѣтнаго старика дисентерію, и двѣ недѣли спустя по прибытии во Флоренцію онъ умеръ, 13 июля 1481 года. Такъ окончилась эта бурная жизнь, показывающая намъ жизнь гуманистовъ съ дурной ея стороны, но въ то же время характеризующая эпоху, какъ немногія другія.

Литературная дѣятельность гуманистовъ по большей части была направлена къ одной цѣли: доставить современникамъ возможность пониманія классическаго міра. Такимъ образомъ возникли обширныя комментаріи къ римскимъ авторамъ и въ особенности многочисленные переводы съ греческаго. Знаніе греческаго языка, какъ ни страстно къ нему стремились, все же еще оставалось нѣкоторое время достояніемъ тѣснаго кружка, такъ что немногіе вполнѣ его понимали при чтеніи; только съ помощью латинскихъ переводовъ осуществлялось, какъ думала тогдашняя публика, полное обладаніе греческими авторами. Въ этихъ цѣляхъ предприняли свои работы Леонардо Аretино и Аброджіо Траверсари, а за ними Филемъ, Гварино, Валла и столько другихъ, также и Поджіо, который только въ возрастѣ 49 лѣтъ овладѣлъ греческимъ языкомъ (Epist. IV. 16).

У папы Николая V былъ планъ заставить перевести на латинскій языкъ, если бы только это было возможно, всю греческую литературу; онъ раздалъ поэтому отдѣльныя работы тѣмъ, кого считалъ наиболѣе способными, щедро награждая за труды. Прежде всего онъ

желалъ стихотворного перевода Гомера; Карло Аретино принялъ за работу, но умеръ едва окончивъ первую книгу «Иліады». Фильтельфо хвастается, что папа предложилъ ему работу на условияхъ дѣйствительно княжескихъ; но самъ Николай умеръ, прежде чѣмъ замыселъ былъ исполненъ. Уже прежде этого Валла въ Неаполѣ перевелъ прозой шестнадцать книгъ Иліады; его ученикъ Франческо Аретино присоединилъ къ этому, по порученію Пія II, оставшіяся пѣсни «Иліады» и «Одиссею». Джанноццо Манетти овладѣль не только греческимъ языкомъ, но также и еврейскимъ, и перевелъ, наряду съ обѣими «Этиками» Аристотеля и съ Новымъ Завѣтомъ, также и псалмы, съ оригинала.

Эти переводы должны были отличаться отъ болѣе древнихъ, тогда находившихся въ большомъ пренебреженіи, не только своей вѣрностью, которая впрочемъ съ современной точки зрењія оставляетъ еще многаго желать, но также и изяществомъ латинскаго языка. Чтеніе ихъ должно было быть развлечениемъ; нужно было переводить такъ, чтобы не видно было, что это переводъ съ другого языка: «Я имѣю обыкновеніе», говорить Леонардо Аретино (Epist. VII, 4), «тысячу разъ испробовать отдѣльныя слова, прежде чѣмъ записать ихъ, и въ концѣ концовъ не принимаю ни одного, если оно не одобрено и не рекомендовано мнѣ лучшими авторами». Именно это стремленіе къ изяществу формы неоднократно приводило къ потерѣ точности. Классическая чистота стиля, возрожденіе римскаго краснорѣчія,—въ этомъ была одна изъ главныхъ задачъ гуманистовъ. Гаспарино да Барцица изъ Бергамо, учившій сперва въ Падуѣ и въ Венеціи, а потомъ въ Миланѣ, впервые объявилъ цицероновскій стиль единственно достойнымъ подражанія и самъ дѣйствительно искусно подражалъ ему. Открытие 10 рѣчей, найденныхъ Поджіо, и манускрипта съ риторическими работами, найденного въ Лоди, послужило причиной того, что Цицеронъ все болѣе и болѣе сталъ дѣлаться общепризнаннымъ образцомъ. На Петрарку и Колуччіо стали тогда смотрѣть свысока, ибо они еще не достигли «цвѣтовъ цицероновскаго краснорѣчія», i fiori dell' eloquenza ciceroniana, какъ позднѣе слѣдующимъ поколѣніемъ латинистовъ стиль теперешнихъ опять въ свою очередь долженъ былъ казаться грубымъ и небрежнымъ.

Классическое краснорѣчіе опять нашло свое мѣсто въ общественной жизни, стало примѣняться въ рѣчахъ и политическихъ актахъ. Уже съ предшествующаго вѣка вошло въ обычай отдавать известные должности людямъ получившимъ гуманистическое образованіе, особенно должности канцлера флорентинской синьоріи и папскаго секретаря. Папскимъ секретаремъ былъ поэтъ Заноби да Страда, равно какъ другъ Петрарки Франческо Бруни, а также и самому Петраркѣ многократно, хотя и напрасно, предлагали это мѣсто. Теперь секретариать сдѣлался обычной должностю ученыхъ, состоявшихъ при

римскомъ дворѣ. Въ качествѣ флорентинскихъ канцлеровъ преемниками Колучио и Леонардо Аретино были поэтъ Карло Марсупини, по мѣсту своей родины названный Аретино (1399—1453), Поджіо, Бенедетто Акколти и позднѣе Кристофоро Ландини. Папа Пій хвалилъ флорентинцевъ, за то, что они при выборѣ своихъ канцлеровъ обращаютъ вниманія не на юриспруденцію, какъ это часто дѣжалось въ другихъ мѣстахъ, а на краснорѣчіе и классической занятія (Европа сар. 55), и самъ Пій ввелъ изящный латинскій языкъ въ папскія буллы и бреве. Нѣкоторые изъ гуманистовъ того времени были отличными государственными дѣятелями, какъ напр. въ Венеціи—Франческо Барбаро и Леонардо Джустиніани, во Флоренції особенно Джіанноццо Манетти (1396—1459). Съ большими рвениемъ онъ исполнялъ важные должности въ своей республикѣ и принималъ участіе въ многочисленныхъ миссіяхъ къ папѣ, королю Неаполитанскому и другимъ. Искусныя рѣчи, которыя онъ говорилъ въ такихъ случаяхъ, доставили ему большую извѣстность; когда онъ окончилъ свое длинное привѣтствіе вновь выбранному папѣ Николаю, тогда, какъ разсказывается Веспасіано да Бистиччи, флорентинскимъ посламъ пожимали руки въ знакъ привѣтствія такимъ образомъ, какъ будто ихъ городъ завоевалъ Пизу. Тѣмъ не менѣе эти латинскія рѣчи гуманистовъ были въ общемъ только риторикой; въ совѣтахъ князей, при настоящемъ обсужденіи политическихъ дѣлъ, употреблялся конечно итальянскій языкъ. Латинскія рѣчи должны были только придавать большую торжественность празднествамъ и церемоніямъ: таковы привѣтствія властителямъ, рѣчи свадебныя или похоронныя. Отсутствие настоящаго ораторскаго сюжета сказывалось, поэтому, въ монотонности и пустотѣ, которая были свойственны такимъ произведеніямъ, въ высокопарныхъ фразахъ, которыми тщетно старались придать общимъ мѣстамъ колоритъ свѣжести и важности. Необходимымъ украшеніемъ рѣчи, существеннымъ элементомъ краснорѣчія считалось цитированіе древнихъ, и имъ злоупотребляли, стараясь такимъ образомъ документально доказать собственную ученость, для чего имѣлись готовые сборники отрывковъ изъ классиковъ.

Цѣлой головой выше всѣхъ другихъ ораторовъ своего времени папа Пій II; до папства и въ теченіе его у него не было недостатка въ разныхъ значительныхъ случаяхъ доказать свое искусство при обсужденіи важныхъ предметовъ. Но и онъ старался достичь своихъ политическихъ успѣховъ путемъ переговоровъ, а не рѣчей, служащихъ только какъ бы введеніемъ или заключеніемъ, для большей торжественности. Большая увѣщательная рѣчь, убѣждающая къ войнѣ противъ турокъ и произнесенная имъ въ Мантуйѣ 26 сентября 1459 г., кажется намъ холодной; именно послѣ того какъ князья приняли слабое участіе на конгрессѣ, въ самомъ папѣ не могла быть особенно сильна надежда произвести продолжительное впечатлѣніе на умы, какъ

онъ это и даетъ понять въ концѣ. Насколько отлична эта рѣчъ противъ турокъ, въ которой должна была быть доказана и божественность Христа, отъ рѣчей, воспламенявшихъ крестоносцевъ въ XI столѣтіи! Лѣстцы, подобные Филельфо или Кампанди, могли конечно говорить о возбужденномъ такими рѣчами энтузіазмѣ, самъ папа, всегда съ такой охотой заносившій въ лѣтопись свои успѣхи, говорить только въ комментаріяхъ, что въ теченіе трехъ часовъ его внимательно слушали и что въ сравненіи съ слѣдующей рѣчью Віссаріона выказывалось превосходство итальянцевъ передъ греками въ краснорѣчіи. Какъ будто въ этомъ заключался тогда вопросъ! Даже тогда, когда дѣло шло о задачахъ болѣе положительныхъ и серьезныхъ, латинскій ораторъ думалъ всегда главнымъ образомъ о помпѣ, о красивой формѣ, желая не столько пробудить чувство въ слушателяхъ, сколько вызвать преклоненіе передъ своимъ искусствомъ. Французские послы въ Мантую, въ то самое время когда отъ нихъ ожидаются помощи противъ певѣрныхъ, жалуются вмѣсто этого на папу и говорятъ о притязаніяхъ Рене Анжуйскаго на неаполитанскую корону, и Ший опровергаетъ и первое и второе въ длинной рѣчи, однако немногія, но энергичныя слова, въ которыхъ онъ говорить объ этомъ (*Memorie*) и въ которыхъ живо сказывается негодованіе папы на индифферентизмъ и эгоизмъ властителей, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ, нежели сама рѣчъ съ ея растянутостью, съ ея цитированиемъ стиховъ Горация, съ пространными историческими разсужденіями; лишь въ концѣ рѣчъ достигаетъ большей или меньшей силы и теплоты.

Сюжетомъ для упражненія въ краснорѣчіи является у гуманистовъ мораль; въ тогдашнихъ университетахъ краснорѣчіе обыкновенно соединялось съ моральной философией и Филельфо часто говорить объ *eloquium moresque*, какъ о вещахъ связанныхъ между собой. Въ моральныхъ трактатахъ стиль дѣлается главной вещью и пріобрѣтаетъ большую важность, нежели разрабатываемый сюжетъ. Такимъ образомъ Франческо Барбаро, въ возрастѣ семнадцати лѣтъ (1415), могла прийти мысль давать поученіе касательно брака, въ его *De re iuxoria*, сюжетъ конечно мало подходящій къ его юному возрасту; но это для него было вещью второстепенной; онъ желалъ написать хорошимъ латинскимъ языкомъ ученую книжечку, которая бы послужила свадебнымъ подаркомъ Лоренцо де'Медичи, брату Козимо; содержаніе заимствовалось у древнихъ, въ случаѣ недостатка личнаго опыта. Излюбленной формой для такихъ трактатовъ былъ діалогъ на манеръ философскихъ сочиненій Цицерона, и такие діалоги являются существенной частью литературныхъ работъ Поджіо. Въ качествѣ собесѣдниковъ въ нихъ появляются его коллеги по куріи или его флорентинскіе друзья, Лоски, Никколи, Козимо и Лоренцо де' Медичи, Карло Марсуппини, и другие, равно какъ и самъ авторъ.

Сперва былъ написанъ *Dialogus contra avaritiam* (1428), опубликованный годъ спустя послѣ написанія и посвященный Франческо Барбаро. Въ *Dialogus de nobilitate* (1440) интересно перечисленіе столь различныхъ мнѣній о благородствѣ и о приличной ему формѣ жизни, которыя господствовали въ различныхъ мѣстностяхъ Италии и у другихъ націй. *Dialogus de infoelicitate principum*, опубликованный приблизительно въ то же самое время, стремится доказать, что владыки врядъ-ли могутъ быть счастливы и что для нихъ почти невозможно быть добрыми. Обширный діалогъ *De varietate fortunae*, въ четырехъ книгахъ, сложился мало-по-малу въ теченіе значительного промежутка времени и былъ оконченъ въ 1448 году; чтобы доказать сущность земного величія, здѣсь разсказыаны примѣры превратности судьбы, взятые главнымъ образомъ изъ исторіи Италии отъ 1377 года до смерти папы Евгенія; четвертая книга пріобрѣтаетъ важность благодаря помѣщенному въ ней разсказу о путешествіи венецианца Никколо Конти въ Индію, какъ Поджіо слышалъ его отъ самого Конти при папскомъ дворѣ въ Флоренціи. Родственной тенденціей отличаются двѣ книги *De miseria humanae conditionis*, діалоги которыхъ отнесены авторомъ къ 1453 году; мысль, что жизнь полна трудностей и зло-получій, иллюстрирована здѣсь главнымъ образомъ примѣрами общественныхъ бѣдствій. Средствомъ предохраненія отъ этихъ общечеловѣческихъ бѣдствій служатъ добродѣтель и разумъ, которыми однако почти никто не умѣеть пользоваться; они освобождаютъ человѣка отъ владычества случая; удары судьбы служатъ только для того, чтобы закалить людей въ борьбѣ; о возмездіи въ другой жизни не говорится ни слова; здѣсь проповѣдуется языческая мораль, мораль стоиковъ и Боэція.

Врядъ ли когда либо больше морализировали, нежели въ эту эпоху; письма Филельфо наполнены самыми назидательными поученіями, нѣкоторыя изъ писемъ Поджіо представляютъ изъ себя настоящія моральные проповѣди. Въ пышныхъ выраженіяхъ говорилось о принадлежности къ школѣ перипатетиковъ или стоиковъ, а въ равной мѣрѣ и къ христіанской доктринѣ; но это была абстрактная и бесплодная мораль. Гуманисты, правда, могли на минуту опьянить себя звонкими похвалами добродѣтели; собственная ихъ жизнь представляла изъ себя нѣчто совершенно другое. Поджіо предостерегаетъ своего друга, англичанина Ричада Петтвортса, отъ приманокъ богатства и порока, дабы, прильшившись къ землѣ, онъ не потерялъ неба (*Epist. II, 12; 1440*); но самъ онъ весьма охотно ёль и пилъ съ веселыми собутыльниками, посмѣивался на красивыя лица и жилъ въ Римѣ съ Лючіей Паннелли, которая убѣжала изъ Шаценцы отъ своего мужа и отъ которой онъ имѣлъ четырнадцать дѣтей. Онъ говоритъ, что слѣдуетъ поменьше обращать вниманія на жизнь и на тѣло и думать больше о душѣ (*II, 14*); но, удивляясь мужеству архи-

епископа критского, самъ онъ, убоявшись чумы, бѣжитъ изъ Тиволи въ Ріети (II, 17). Онъ восхваляетъ тѣхъ, кто держится далеко отъ великихъ міра сего и безкорыстно довольствуется своимъ собственнымъ добромъ (De infoel. princip.), а въ посвященіи къ своей Ciropedia просить у Альфонса Неаполитанского подарка. Филельфо прославляеть въ одной изъ сатиръ бѣдность (IX, 9), постоянно прибавляя, что если его другъ Иниго д'Авалосъ и, черезъ его посредство, король Альфонсъ будутъ къ нему благосклонны, онъ конечно не будетъ нуждаться ни въ чемъ необходимомъ; другими словами, онъ восхваляетъ бѣдность и просить денегъ. Такимъ образомъ литература отдѣляется отъ жизни; слова и поступки болѣе не согласуются между собой.

Нерѣдко морализація задается сатирическими цѣлями. Поджіо нѣкоторое время колебался опубликовывать діалогъ противъ скупости, потому что боялся, что здѣсь могутъ быть усмотрѣны намеки на римскій дворъ и даже на папу. То, что онъ говорилъ о благородствѣ въ различныхъ странахъ, вызвало скандалъ во многихъ мѣстахъ, въ особенности въ Венеціи, а въ De infoelicitate principum онъ вложилъ въ уста Никколи страстную инвективу противъ владыкъ, проникнутую республиканскимъ духомъ. Въ De miseria humanae conditionis онъ напалъ на монаховъ и на многихъ изъ прежнихъ папъ; здѣсь однако онъ держался на почвѣ болѣе общей. Совершенно иначе онъ поступилъ въ самомъ живомъ изъ своихъ діалоговъ Dialogus adversus hypocrisiam (1447). Здѣсь въ качествѣ примѣровъ служатъ дѣйствительныя личности, нѣкоторые изъ нихъ ясно обозначены, а иногда прямо названы по имени; это смѣлый памфлѣтъ, ибо, хотя онъ и относится къ эпохѣ Евгения IV и къ дѣятелямъ уже умершимъ, тѣмъ не менѣе здѣсь затронуты лица высокопоставленные, съ которыми еще были связаны интересы настоящаго. Мы видимъ здѣсь тотъ же самый духъ, ту же самую страсть къ злословію, какъ въ Facetiae, при этомъ здѣсь разписаны также разныя скабрезныя исторіи. Нападки главнымъ образомъ направлены противъ монаховъ, противъ ложныхъ народныхъ проповѣдниковъ, противъ тѣхъ, кто интригуетъ при папскомъ дворѣ. Къ числу лицемѣровъ онъ присоединяетъ также блаженнаго Джованни Доминichi, папу Григорія XII и Амброджіо Траверсари, жизнь которого по словамъ Поджіо была достойна похвалы, пока въ тишинѣ своей кельи онъ служилъ своимъ музамъ, между тѣмъ какъ послѣ онъ уступилъ честолюбію и потянулся за красной шапочкой. Наконецъ авторъ заставляетъ одного изъ собесѣдниковъ, Карло Аретино, выразить сожалѣніе, что такое строгое осужденіе не можетъ простираяться также и на живыхъ, многие изъ которыхъ его заслуживаютъ. Мы замѣчаемъ здѣсь личное волненіе автора, вызванное горькимъ опытомъ. Монахи были естественными врагами гуманистовъ; они часто боролись противъ языческой образованности, такъ напр. Фра Доминichi напи-

салъ свою *Lucula noctis* противъ поэмы Колуччіо *De fato et fortuna*, и при римскомъ дворѣ, въ особенности при Евгениі, ученый мірянинъ не рѣдко сталкивался съ большими противодѣйствіемъ. Такъ точно и Леонардо Аретино съ большимъ оживленіемъ говорить въ своей *Oratio in hypocritas* о религіозныхъ лицемѣрахъ, Філельфо специально направляетъ противъ нихъ одну изъ своихъ сатиры (II, 5), а Валла въ своемъ діалогѣ *De professione religiosorum* борется противъ кичливости монашества и опровергаетъ ложное воззрѣніе, считающее жизнь въ обители болѣе предпочтительной, нежели жизнь въ мірѣ.

Муссато и Феррето писали раньше исторію своего времени согласно съ классическими образцами. Петrarкъ все современное казалось слишкомъ мелкимъ и незначительнымъ, и его историческія работы представляютъ изъ себя какъ бы исключительно компиляціи древнихъ авторовъ; почти то же самое мы видимъ и у Боккаччіо. Гуманисты XV вѣка опять начинаютъ принимать живое участіе въ фактахъ современности, и города и владыки теперь желаютъ видѣть свои дѣянія изложеннымъ съ классическимъ краснорѣчіемъ. Правда Леонардо Аретино написалъ исторію Греції отъ послѣднихъ временъ перелопоннезской войны до смерти Эпаминонда, сдѣлавъ вольную переработку повѣстнованія Ксенофона (*Commentarii Regum Graecarum*), три книги о первой пунической войне (*De bello punico*) по Полібію, и четыре книги о Готской войнѣ, свободная переработка Прокопія (*De bello italicо aduersus Gothos*); но онъ написалъ также исторію флорентинской республики въ двѣнадцати книгахъ, причемъ первая вкратцѣ разсказываетъ событія отъ основанія до смерти Фридриха II, другія съ тщательной подробностью излагаютъ событія до 1402 года,— критическая эпоха въ исторіи города, который благодаря смерти Джіангалеаццо Висконти былъ освобожденъ отъ долгой войны и отъ большой опасности. У Леонардо замѣчается стремленіе къ болѣе высокому искусству исторического повѣстнованія, проявляющемся въ группировкѣ фактовъ, въ изысканіи ихъ происхожденія и связи. Онъ старается изобразить различные фазы борьбы наглядно, согласно съ ихъ стратегическимъ развитіемъ; стоитъ, напр., сравнить описание битвы при Кампальдіо (I, IV) съ описаніемъ Джіованни Виллани (VII, 131), у которого однако Леонардо почерпалъ факты. Ему, какъ и большей части историковъ Эпохи Возрожденія, представлялось затѣмъ необходимымъ, согласно примѣру древнихъ, украшать повѣстнованіе длинными рѣчами, которыя влагались въ уста князь-ямъ, посланникамъ, лицамъ участвовавшимъ въ собранияхъ совѣта, и въ которыхъ обыкновенно выказывали собственное риторическое искусство. Что касается остальныхъ приемовъ, Леонардо писалъ ясно и просто. Правда, желаніе придать стилю классической колоритъ, нерѣдко приводить его къ анахронизмамъ въ выраженіи,— такъ онъ заставляетъ Фарината дельи Уберти клясться безсмертными

богами, описываетъ современныя учрежденія тяжеловѣсными оборотами,— но это мы видимъ только вначалѣ, а по мѣрѣ того какъ онъ углубляется въ сюжетѣ, для него становится понятнымъ, что такой способъ выраженія здѣсь совершенно неподходитъ.

Старыя басни касательно основанія города естественно, какъ уже въ *Paradiso degli Alberti*, исчезаютъ у Леонардо; онъ ничего не знаетъ о полномъ разрушениіи города Аттилой или Тотилой, и полагаетъ, что Карлъ Великій скорѣе реставрировалъ, нежели собственно вновь построилъ его. Даѣе, достойна вниманія въ этихъ историкахъ XV вѣка противоположность въ сравненіи съ средневѣковымъ касательно пониманія римской исторіи и ея связи съ исторіей современой. Леонардо не видитъ болѣе въ возникновеніи имперіи предопредѣленнаго завершенія государственного плана, а наоборотъ усматриваетъ начало упадка; едва только *имя Цезаря* легло бременемъ на государство, тотчасъ же, по его мнѣнію перестали существовать и свобода и добродѣтель. Поэтому онъ отвергаетъ, также всякое поченіе передъ германской имперіей, которая, по его мнѣнію, не имѣетъ съ римской ничего общаго кромѣ имени и является въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ чужеземнымъ владычествомъ. Въ средніе вѣка и гвельфы не отрицали правъ имперіи; гуманисты, приспособляя идеи двухъ партій къ своимъ собственнымъ, называютъ гвельфами тѣхъ, «кто считаетъ дѣломъ недостойнымъ, чтобы варвары, подъ предлогомъ римского титула, владычествовали надъ итальянцами», а гибеллинами тѣхъ, «кто, преклоняясь предъ императорскимъ именемъ, забываетъ о свободѣ и славѣ предковъ и предпочитаетъ скорѣе подчиняться чужеземцамъ, нежели подвергаться владычеству своихъ собственныхъ соотечественниковъ». Так же думалъ и Поджіо; избраніе нѣмецкаго императора, говорить онъ въ началѣ седьмой книги своей «исторіи», представляетъ изъ себя выдумку папы Григорія V, который самъ происходилъ изъ Германіи, «и по лѣнивой небрежности итальянцевъ эта привычка продолжается еще до нашихъ дней». По поводу коронаціи Сигизмунда онъ настѣнчается надъ этимъ обычаемъ, введеннымъ варварами, которые, будучи невѣжественными въ древней исторіи, считаютъ достоинство Imperator болѣе высокимъ нежели *Rex*. Какая разница между этими возврѣніеми и идеями Данте и даже Петrarки!

Поджіо разрабатывалъ по большей части тѣ же самые сюжеты, что и Леонардо; онъ разсказываетъ о войнахъ флорентинцевъ, въ особенности съ Висконти, за периодъ послѣднихъ ста лѣтъ, т. е. отъ 1350 года до мирныхъ договоровъ итальянскихъ правительствъ въ Лоди (1454) и въ Неаполѣ (1455). Онъ непремѣнно хочетъ рассказывать только о военныхъ дѣлахъ, поэтому напримѣръ, обронивъ нѣсколько случайныхъ словъ, онъ обходить молчаніемъ весь периодъ отъ 1314 до 1423 года (конецъ четвертой книги и начало пятой),

потому что это время мира; онъ едва дѣлаетъ бѣглое замѣчаніе о Константскомъ Соборѣ, между тѣмъ какъ мы именно отъ него такъ охотно услышали бы что-нибудь болѣе точное по этому поводу. Маккавелли въ предисловіи къ своей *Storia fiorentina* сѣтуетъ на то, что Леонардо и Поджіо такъ пренебрегали событиями городской жизни. Леонардо, правда, не вполнѣ ими пренебрегаетъ; въ четвертой книѣ онъ самъ объясняетъ, что внутреннія дѣла не менѣе важны, чѣмъ вѣнѣнія, и дѣлаетъ даже нѣсколько замѣчаній касательно развитія флорентинской конституціи. Но изложеніе военныхъ событий связно, а внутреннія дѣла города со всѣми ихъ превратностями разсказаны только кое гдѣ, неполно и часто спутанно. Сочетать въ одно оба эти элемента ему не удалось, и весь его интересъ прикованъ главнымъ образомъ къ фактамъ, доказывающимъ политическое могущество республики. Въ воспоминаніяхъ о своей собственной эпохѣ (*Verum suo tempore in Italia gestarum Commentarius*), обнимающихъ періодъ отъ 1378 года до побѣды Ангіари (1440), онъ обѣщаетъ много, но исполняетъ мало. «Я поставилъ себѣ задачей вкратцѣ рассказать въ этой книжкѣ, какие выдающіеся люди жили въ Италии въ мое время, и каково было состояніе научныхъ занятій и каковъ былъ ихъ характеръ. Ибо я полагаю, что это мой долгъ по отношенію къ моему времени сообщить потомкамъ память о томъ, что было теперь». И онъ сѣтуетъ на то, что этого не дѣлалось до него, такъ что о временахъ Цицерона и Демосѳена болѣе знаютъ, нежели о временахъ бывшихъ за 60 лѣтъ тому назадъ. Но и у него самого напрасно стали бы мы искать картины тогдашней культуры; за исключениемъ немногихъ замѣчаній касательно характера научныхъ занятій мы опять видимъ лишь краткій рассказъ о вѣнѣніяхъ событияхъ.

Король Альфонсъ, большой любитель исторіи, по окончаніи войны изъ-за неаполитанской короны возложилъ на разныхъ ученыхъ порученіе создать исторический памятникъ его царствованію. Лоренцо Валла, въ качествѣ введенія, составилъ исторію отца Альфонса, короля Фердинанда Арагонского, но не пошелъ далѣе этого введенія. Рассказъ о царствованіи Фердинанда, краткомъ, но богатомъ событиями, объ его борьбѣ противъ мавровъ и о спорѣ за порядокъ наслѣдованія арагонской короны послѣ смерти короля Мартина, является одной изъ самыхъ важныхъ страницъ тогдашней исторіографіи и отличается искусственнымъ изложеніемъ, ясностью и наглядностью. Иногда здѣсь чувствуется истинно драматическая жизнь, какъ напр. тамъ, гдѣ описывается возмущеніе графа ди Урджеля и его пораженіе, или разрывъ короля съ синьоріей барселонской изъ-за правъ взимать пошлину (I. III). Введенія рѣчи чрезвычайно красивы, отличаются мѣткостью, сжатостью, лишены пустой помпы и всегда гармонируютъ съ ситуацией.

Бартоломео Фаціо изъ Спеції, явившійся въ 1445 году къ неаполитанскому двору, повѣствуетъ о военныхъ походахъ Альфонса, бера при этомъ за образецъ Цезаря; въ 1451 году онъ опубликовалъ первыя семь книгъ, которыхъ доведены до побѣды короля и потомъ присоединилъ три другія книги. Антоніо Панормита собралъ въ четырехъ книгахъ въ честь короля достопамятныя изречения его и разсказы объ его дѣяніяхъ (1455), Энеа Сильвіо продолжалъ эту работу (1456), сообщивъ въ приложеніи другія свѣдѣнія о королѣ, дошедшія до него. Поэтъ Джіаппантоніо Порчелло де'Пандони, неаполитанецъ, былъ въ 1452 году посланъ Альфонсомъ къ кондотьеру Якопо Пиччинино, который предводительствовалъ одной частью венецианскихъ военныхъ силъ противъ Франческо Сфорца. Будучи приглашенъ этимъ послѣднимъ, Порчелло оставался въ его свитѣ, сопровождалъ его во время его компаний и рассказалъ въ девяти книгахъ королю Альфонсу событія 1452 года, причемъ онъ записывалъ сообщенія мало по малу непосредственно вслѣдъ за событіями. Онъ задавался цѣлью написать панегирикъ: въ современныхъ кондотьерахъ онъ видѣтъ возрожденіе античныхъ римскихъ героевъ; Пиччинино въ его глазахъ Сципіонъ, и онъ всегда называетъ его просто этимъ именемъ, которое тотъ заслужилъ, сравнившись съ римляномъ въ добродѣтели и въ славѣ; его противника, Сфорца, онъ называетъ въ свою очередь Ганнибаломъ и приписываетъ ему характеръ этого послѣдняго. Такимъ образомъ современная история является въ искаженномъ видѣ, она разукрашена мишурнымъ блескомъ великихъ классическихъ именъ. Но достоинъ вниманія этотъ военный корреспондентъ короля, принимающій личное участіе въ битвахъ, съ тѣмъ чтобы передать потомкамъ разсказъ о дѣяніяхъ полководцевъ и заставляющій предводителя вражеской партіи, Франческо Сфорца, доставить ему безопасное мѣсто на полѣ битвы, для того чтобы онъ могъ все въ точности наблюдать (I. VII). Подобнымъ же образомъ онъ описалъ во второмъ комментаріи событія 1453 года.

При миланскомъ дворѣ писалъ Шеръ Кандило Дечембріо изъ Павії (1399—1477); онъ составилъ жизнеописаніе Филиппо Марія Висконти и Франческо Сфорца. Первая біографія написана по образцу Светонія, въ особенности онъ повидимому опирался на жизнеописаніе Тиберія; поэтому главное его вниманіе обращено на законченность въ изображеніи личности, на портретъ, между тѣмъ какъ факты разсказаны лишь бѣгло. Подражаніе классическому образцу замѣчается также и въ объективности, хотя только вънѣшней; черты достойныхъ похвалы и черты достойныхъ порицанія искусно слиты вмѣстѣ, какъ они и въ дѣйствительности смѣшивались въ натурѣ герцога; получается такимъ образомъ правдивый и тонко сдѣланный образъ князя той эпохи, со всѣми его интимными особенностями, безъ какихъ-либо преувеличеній въ дурную или хорошую сторону..

Касательно Франческо Сфорца авторъ слѣдовалъ противоположной системѣ; онъ разсказываетъ его военные предприятия и не касается его частной жизни, потому что, какъ говорить онъ, матеріаль быль бы иначе слишкомъ обширенъ и даже цицероновскаго стиля не хватило бы, чтобы разработать его. Дѣйствительнымъ мотивомъ этого являлось однако то обстоятельство, что, когда Дечембріо писалъ, Филиппо Марія былъ мертвъ, а Франческо Сфорца еще жилъ. Поэтому вторая біографія является похвальной рѣчью правящему князю и авторъ соперничаетъ здѣсь съ Филельфо, котораго онъ высмеиваетъ, не называя его (сар. III).

Среди вошедшихъ тогда въ моду собраний краткихъ біографій знаменитыхъ современниковъ, особенное мѣсто занимаютъ жизнеописанія ученыхъ; таково въ особенности сочиненіе Бартоломео Фаціо *De viris illustribus*; менѣе интересна книжечка, носящая такое же заглавіе и принадлежащая папѣ Пію. Удачнѣе, нежели латинскія сочиненія этого рода, была одна скромная работа, написанная на итальянскомъ языкѣ, *Vite di uomini illustri* Веспасіано да Бистиччи (1421—1498); авторъ ея былъ книгопродавцемъ, который служилъ своему ремеслу съ большимъ искусствомъ, умѣньемъ и любовью и черезъ него вошелъ въ тѣсныя отношенія съ наиболѣе выдающимися людьми науки и съ ихъ знатными покровителями. Такимъ образомъ большую часть вѣщій, которая онъ сообщаетъ, онъ зналъ изъ личного опыта или отъ очевидцевъ, и мы замѣчаемъ это по теплотѣ и живости его наивнаго и безыскусственнаго повѣстованія.

Особое мѣсто среди тогдашнихъ историковъ занимаетъ Флавіо Біондо. Его занимало не искусство, не красивая форма, а эрудиція, тщательное собирашеніе историческихъ и археологическихъ свѣдѣній, такъ что онъ даже пренебрегаетъ слогомъ. Родившись въ Форли въ 1388 году, изъ фамиліи Равальдини, онъ принялъ въ 1423 году участіе въ восстаніи противъ Орделаффи, затѣмъ былъ изгнанъ и отправился въ Венецію, гдѣ завязалъ дружескія отношенія съ Франческо Барбаро. Въ началѣ правленія Евгенія IV онъ поселился въ Римѣ, сдѣлался потомъ секретаремъ (1434) и пріобрѣлъ большую благосклонность папы, но жилъ по большей части въ нуждѣ, такъ какъ былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ. Онъ послѣдовалъ за Евгеніемъ во время бѣгства въ Римъ, принималъ дѣятельное участіе во Флорентинскомъ соборѣ и сочинилъ проектъ соединенія церквей (1439). При папѣ Николаѣ онъ былъ въ полномъ пренебреженіи; какъ кажется, въ греческомъ языкѣ онъ былъ совершенно несвѣдущъ, а потому непригоденъ для излюбленныхъ переводовъ. Пій II опять очень возвысилъ его; онъ умеръ 4 июня 1463 года.

Главнымъ его трудомъ является исторія Италии отъ эпохи паденія Римской имперіи до его собственного времени, причемъ обращено также вниманіе и на другія страны. Онъ началъ свой трудъ, какъ

историю эпохи, въ которой онъ жилъ, сперва въ четырехъ книгахъ, а потомъ въ двѣнадцати, и только послѣ ему пришло на умъ расширить свой планъ. Въ этомъ смыслѣ онъ началъ работу въ 1442 году и, послѣ разныхъ перерывовъ, закончилъ ее вѣроятно въ 1452 году, на 31 книгу,—три декады и одна книга, согласно его раздѣленію. Для его эпохи это была оригинальная мысль. Относительно периода величия Рима, говоритъ авторъ, мы хорошо освѣдомлены; но съ упадкомъ римской власти пришла въ упадокъ и наука, и исторія умолкла. Біондо хочетъ разсказать о томъ, что происходило въ эти смутныя времена, и развиваетъ свою тему съ прилежаніемъ достойнымъ удивленія. Мы видимъ здѣсь начало ученой исторіографіи, которая цитируя свои источники, тщательно взвѣшиваетъ ихъ указанія, хотя конечно не можетъ еще избѣжать ошибокъ при этихъ первыхъ попыткахъ критики. Той же самой страстью къ изысканию отмѣчены археологическая работы Біондо. Въ трехъ книгахъ *Roma restaurata*, которые были посвящены папѣ и окончены въ 1445 или 1446 году, онъ впервые даетъ съ нѣкоторой законченностью топографію древняго Рима, и вмѣстѣ съ тѣмъ говорить о происхожденіи христіанскихъ памятниковъ. *Italia illustrata*, поднесенная въ 1453 году папѣ Николаю, была одновременно работой исторической, географической и археологической; Біондо хочетъ возстановить порванную со временемъ варварства связь между классической Италией и современной, хочетъ констатировать касательно древнихъ наименованій мѣстъ и народовъ соответствующія современные имена, касательно современныхъ—ихъ древность, хочетъ оживить въ памяти имена исчезнувшія. Преслѣдуя такую задачу онъ вкратцѣ рассматриваетъ области и города всей страны и при случаѣ дѣлаетъ касательно этихъ послѣднихъ разныя сообщенія обѣихъ происхожденій и обѣихъ судьбахъ, о выдающихся людяхъ древности и въ особенности о знаменитыхъ дѣятеляхъ Эпохи Возрожденія, происходящихъ изъ нихъ, упоминаетъ о поэтахъ, ученихъ, художникахъ, меценатахъ. Наконецъ *Roma triumphans*, въ десяти книгахъ, написана въ 1459 году и посвящена Пію II; это учебникъ римскихъ древностей, онъ рассматриваетъ религію и жречество, политическое и военное устройство, нравы и обычаи; въ послѣдней книге описывается триумфъ императоровъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ о великомъ дѣлѣ единенія и культтивированія различныхъ народовъ, которое совершилъ Римъ, о дѣлѣ, объясняющемъ всеобщее уваженіе и любовь къ этому городу; въ римскихъ институціяхъ онъ хочетъ видѣть отраженіе всякаго совершенства. Но въ концѣ онъ показываетъ великое сходство между состояніемъ древняго Рима и между состояніемъ Рима современного, папскаго. Жрецъ—консулъ, императоръ—*magister militum*, кардиналы, это—сенатъ, христіанскіе короли, князья, герцоги, графы и т. д., это—легаты, квесторы, *tribuni militum*, центуріоны и т. д. И, какъ въ прежнее время, Римъ соединяетъ націи,

и величиямъ нового консула и нового сената подчиняется всякий, кто хочетъ быть христіаниномъ. Такимъ образомъ и въ концѣ Roma instaurata онъ видѣть въ новомъ Римѣ утѣшеніе касательно утраты былаго величія, этотъ новый городъ еще представляетъ изъ себя владѣтеля земли, правящаго уже не посредствомъ вооруженной силы, а посредствомъ духа и любви. Разумѣется мы здѣсь можемъ поставить вопросъ, какую роль играло въ этихъ выраженіяхъ истинное убѣженіе автора и какую—преклоненіе передъ его высокимъ покровителемъ.

Бондо является въ своихъ историческихъ работахъ главнымъ образомъ ученымъ собирателемъ и изслѣдователемъ, Энеа Сильвіо Пикколомини стремится въ своихъ историческихъ работахъ главнымъ образомъ къ тому, чтобы они основывались на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ жизни. Памятникомъ первого периода его жизни являются *Commentari sul concilio di Basilea*, «столько же памфлетъ, сколько историческая работа», какъ замѣтилъ Фойгтъ¹⁾; эти *Commentari* задались цѣлью оправдать передъ лицомъ правителей и народовъ поведеніе собора, и потому они исполнены пристрастнаго партійнаго отношенія къ нему. Разсказана только небольшая часть переговоровъ, но именно та, которая имѣла наиболѣе рѣшительное значеніе, низложеніе папы Евгенія и все что было съ нимъ связано (1439). Въ первой книгѣ говорится о борьбѣ изъ-за восьми истинъ, изъясненіе которыхъ включало въ себѣ осужденіе папы. Энеа тонкій наблюдатель, и то что онъ видѣлъ, онъ умѣеть искусно излагать, онъ чрезвычайно живо разсказываетъ о бурныхъ засѣданіяхъ собора, о яростной смѣнѣ рѣчей, о крикахъ и волненіи, охватывавшемъ собраніе, удачно сравнивая все это съ битвой, съ состязаніемъ вражескихъ войскъ, толщающихся вокругъ своихъ предводителей. Здѣсь онъ находитъ удачный случай выказать свое ораторское мастерство; большая состязательная рѣчи отцевъ собора являются истинными произведеніями искусства. Кардиналъ Людовикъ изъ Арля, конечно, не могъ тотчасъ же говорить такъ противъ архиепископа палермскаго, не могъ выражаться съ такой классической чистотой и изяществомъ, употреблять цицероновскія формулы, приводить языческие примѣры, цитировать латинскіе стихи; но тѣмъ не менѣе въ основаніи всего этого находится действительная рѣчь, которая была проникнута именно такимъ духомъ, опиралась именно на такую аргументацію, говорилась подъ импульсомъ истинной страсти, рѣчь только нашедшая у Энеа художественную обработку. Вторая книга, описывающая низложеніе папы, потеряна; въ третьей разсказывается объ избрании Феликса V и описывается съ большой очевидностью конclave, до малѣйшихъ подробностей, иногда комическихъ.

¹⁾ Enea Silvio, I, 231.

Storia dell' imperatore Federigo III рассматриваетъ равнымъ образомъ очень короткій промежутокъ времени, походъ въ Италию для коронаціи и осуществленія брачныхъ цѣлей (1452) и смуты въ Австріи (1451—1452). Во введеніи говорится о происхожденіи австрійцевъ, и, эпизодически, разсказывается очень подробно объ императорахъ изъ дома Гогенштауфеновъ. Походъ съ цѣлью коронованія по болѣшой части описанъ на основаніи личныхъ впечатлѣній, мы видимъ здѣсь описание празднествъ, византійскихъ церемоній, мелкихъ политическихъ интригъ, причемъ все изложеніе очень оживлено крайне интересной обрисовкой личностей, мѣстъ и условій жизни въ различныхъ странахъ. Другой сюжетъ, восстаніе австрійцевъ, начавшееся передъ походомъ и окончившееся по возвращеніи Фридриха, который, подвергшись осадѣ въ Нейштадтѣ, былъ принужденъ выдать находившагося подъ его опекой Владислава Постума, дѣлаетъ мало чести тому, для кого писалъ Энеа. Характеръ этого призрачнаго короля достаточно ясно обрисовывается самъ собою изъ голаго изложения фактівъ; авторъ высказываетъ только похвальное сужденіе, но въ то же время искусно даетъ понять, каково истинное его мнѣніе, влагая его въ уста дѣйствующихъ лицъ.

Cosmografia, которую Пій началъ, будучи папой, лѣтомъ, въ 1460 году, была работой обширной по замыслу; она должна была представлять изъ себя географическое описание всего извѣстнаго тогда міра съ прибавленіемъ историческихъ свѣдѣній, относительно размѣра которыхъ авторъ повидимому еще не остановился ни на чемъ; лишь одна часть была записана, но и она производить впечатлѣніе чего-то незаконченного, во многихъ мѣстахъ представляется только эскизомъ. Описавъ только половину Азіи, Пій согласно своему распределенію оставляетъ на время другую половину безъ обсужденія и переходить къ Европѣ. Для географіи и этнографіи Азіи онъ почерпаетъ свѣдѣнія изъ разсказовъ древнихъ, изрѣдка также у современныхъ писателей, и примѣняетъ критическій анализъ, насколько можетъ. Въ части разматривающей Европу историческій разсказъ дѣлается болѣе обширнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ главнымъ образомъ держится только изложенія фактівъ недавнихъ. Сoverшивъ много обширныхъ путешествій, папа Пій съ самымъ живымъ интересомъ относится къ иностраннѣмъ обычаямъ; въ особенности подробно онъ говоритъ о Германіи, которую хорошо зналъ, благодаря своему пребыванію въ этой странѣ. Говоря о ней, онъ устраняетъ старыя ошибки, распространившіяся по Италии, разсказываетъ объ образѣ жизни, обычаяхъ, о военномъ мужествѣ народовъ и князей, упоминаетъ о великолѣпіи городовъ, о богатыхъ торговыхъ пунктахъ, о центрахъ науки, и не можетъ конечно забыть о религіозномъ кultѣ, о каѳедральныхъ соборахъ, о гробницахъ святыхъ чудотворцевъ.

Работой его послѣднихъ лѣтъ является его наиболѣе характерис-

тическая книга *Memorie*, родъ автобиографій, гдѣ онъ однако, какъ Цезарь, постоянно говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ и такимъ образомъ можетъ хвалить себя безъ церемоній. Нѣкоторыя изъ такихъ мѣстъ, конечно, могли быть прибавлены чужой рукой, но врядъ ли всѣ, ибо удостовѣreno явное нежеланіе Пія, чтобы книга была опубликована подъ его именемъ. Здѣсь онъ искалъ славы правителя, не писателя, и съ удовольствіемъ рисовалъ собственный портретъ, иногда въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ это требовалось дѣйствительностью. Первая книга даетъ біографію отъ рожденія до избрания въ папы; въ одиннадцати другихъ разсказываются событія, пережитыя имъ за время папства до конца 1463 года.

Изложеніе не слѣдуетъ никакому опредѣленному плану; мы видимъ старческую болтливость въ длинныхъ отступленіяхъ, къ чему подаютъ поводъ вопросы историческіе, географическіе и археологическіе. Здѣсь описаны города, съ которыми такъ или иначе соприкасался папа въ своихъ путешествіяхъ, ихъ зданія, нравы, общественныя учрежденія; если онъ встрѣчается съ княземъ, онъ говоритъ объ его владѣніяхъ, о происхожденіи ихъ, объ его фамиліи и ея превратностяхъ, а иногда, гдѣ приходится говорить о государствѣ, онъ любить вставлять цѣлый очеркъ его исторіи. Что настѣ наиболѣе привлекаетъ здѣсь, это повсюду выступающее внимательное и любовное наблюденіе надъ людьми и надъ вещами. У папы Пія въ особенности развито чувство красоты пейзажа; часто онъ прославляетъ съ поэтическимъ паѳосомъ природную красоту своей родины, идиллически описываетъ сельскія мѣста, въ которыхъ онъ охотно жилъ по долгу, отдыхая отъ папскихъ обязанностей среди зелени лѣсовъ, на вершинахъ горъ, близъ свѣжихъ источниковъ. Онъ самъ называетъ себя *silvarum amator et varia videndi cupidus* (начало 9-й книги), тамъ гдѣ онъ старался дать намъ представление о всѣхъ красотахъ Monte Amiata. Съ горы Каво близъ *Rocca di Papa*, онъ наслаждается знаменитымъ видомъ на Римъ и Лациумъ и рисуетъ обширную панораму, разстилающуюся у него подъ ногами, отдаваясь при этомъ историческимъ воспоминаніямъ (Lib. XI, р. 309). Онъ чувствуетъ живописность античныхъ руинъ въ ихъ запустѣніи, какъ контрастъ живой природы, заполоняющей ихъ своей растительностью: такимъ образомъ онъ изображаетъ виллу Адріана близъ Тиволи (Lib. V). Равнымъ образомъ онъ наслаждается искусствомъ, мы это видимъ напр. по его, исполненному энтузіазма, описанію каѳедрального собора въ Орліето (Lib. IV, р. 111); мы видимъ также эту черту въ описаніи зданій, построенныхъ по его приказанію въ Піенцѣ, въ описаніи, проникнутомъ чувствомъ удовлетворенія по поводу своего благороднаго труда (Lib. IX, въ концѣ). Всякое зрелище пробуждаетъ въ немъ интересъ; онъ дѣлаетъ подробное описание торжествъ и празднествъ, не только церковныхъ, но и мірскихъ, часто

описываетъ такія вещи, о которыхъ обыкновенно мало беспокоятся служители Бога. Его привлекаетъ видъ отрядовъ, которые подъ предводительствомъ Федериго изъ Урбино должны отправиться въ лагерь, онъ описываетъ блестящіе на солнцѣ щиты, шлемы и копья, изображаетъ военные игры и упражненія, происходящія на его глазахъ (Lib. V, р. 136); онъ присутствуетъ при одной regata на озерѣ Большевенскомъ, слѣдить за всѣми подробностями состязанія и точно описываетъ ихъ, пользуясь формами заимствованными у классическихъ поэтовъ. (Lib. VIII, р. 213).

Но книга содержитъ въ себѣ также нѣсколько прекрасныхъ свидѣтельствъ политической мудрости Пія. Такъ напр. онъ очень мѣтко говоритъ о вредѣ наемныхъ отрядовъ (Lib. IV, р. 100), а когда онъ послѣ побѣды французовъ при Сарно надъ королемъ Фердинандомъ Неаполитанскимъ видѣть заносчивость французскихъ куріаловъ, онъ спрашиваетъ себя (ib., р. 106): *Quid agent, si Italiae regnum obtinerent?* *Ego te, Italia, quantum potero adiuvabo, ne ullos patiare dominos, quævis nec Veneti nec Florentini opem afferant, quorum populi dum te sibi subigere conantur, nec inter se convenire student, externum tibi dominum parant.* Эти патріотическія и пророческія слова должны были нравиться Маккавелли.

Среди другихъ историковъ той эпохи заслуживаетъ еще вниманія, хотя бѣглаго, Бенедетто Акколти изъ Ареццо (1415—1466, съ 1459 канцлеръ во Флоренціи), благодаря сюжету своей работы *De bello a Christianis contra barbaros gesto*, рассказывающей въ четырехъ книгахъ первый крестовый походъ. Его огорчало, говорить онъ, то обстоятельство, что имена этихъ героевъ, которые, выступая въ защиту вѣры, стали въ уровень съ героями античными, предаются забвению, оставаясь только въ книгахъ, написанныхъ глупо и безвкусно; своимъ классическимъ изложеніемъ онъ хотѣлъ доставить имъ приличествующую славу и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ пробудить ихъ примѣромъ новый жаръ для борьбы съ невѣрными.

Вмѣстѣ съ прогрессомъ классическихъ занятій возрастаетъ и независимость. Пониманіе древности дѣлается полнѣе и безпристрастнѣе. Стиль исторіографіи освобождается отъ рабскаго подражанія Ливію; болѣе уже не боятся называть современныя вещи ихъ настоящими именами. Папа Пій и Флавіо Біондо относятся критически къ своимъ источникамъ. Любовь къ древности, какъ бы велика она ни была, не представляетъ уже изъ себя языческаго отношения къ каждому автору, какъ это было въ средніе вѣка. И если на Цицерона все еще смотрѣть какъ на главный, болѣе того, какъ на единственный образецъ краснорѣчія, это представление остается главнымъ образомъ только въ теоріи и еще не ведеть, какъ это случилось въ послѣдующую эпоху, къ новой стѣсненности формы: писали по большей части просто, яспо, оригинално, благодаря

чemu позднѣе этихъ писателей упрекали въ недостаточной корректности. Въ одномъ письмѣ 1474 года Филельфо говорилъ: *Equidem neminem invenio, vel quam diligentissime inquirens, non modo in hominibus nostris, sed ne in Graecis quidem, qui mihi ulla aut disciplina aut arte satisex omni parte faciat.* Но настоящимъ критическимъ умомъ той эпохи былъ Лоренцо Валла; онъ критикуетъ древнихъ писателей съ такой смѣлостью, которая настъ удивляетъ, а въ то время должна была казаться заносчивостью и отсутствіемъ уваженія, чѣмъ впрочемъ нерѣдко и была.

Лоренцо, сынъ Лука делла Валле, по фамиліи своей происходилъ изъ Піаченцы, но родился въ Римѣ (1407), гдѣ и воспитался. Еще будучи юношой, онъ написалъ литературную параллель между Квинтиліаномъ и Цицерономъ въ пользу первого, чтобъ возбудило немалый скандалъ. Когда ему было двадцать четыре года, онъ покинулъ Римъ, послѣ того какъ ему по причинѣ его юности было отказано въ папскомъ секретариатѣ, и отправился въ Піаченцу, гдѣ занялся преподавательскою дѣятельностью. Онъ опубликовалъ тогда діалоги *De voluptate ac uero bono* (1431); здѣсь въ формѣ разговоровъ, проиходящихъ въ Римѣ за три года до этого между Леонардо Арецино, Панормита и Никколи съ одной стороны, и между нимъ и нѣсколькими палскими секретарями съ другой, онъ опровергалъ господствовавшіе моральныя принципы. Въ началѣ произведенія Леонардо Арецино вкратцѣ восхваляетъ стоическую доктрину, согласно съ которой добродѣтель сама по себѣ является высшимъ благомъ; его опровергаетъ Панормита въ очень обширной диссертациѣ, которая занимаетъ большую часть первой книги и всю вторую; это принципы эпікуреевъ, полагающихъ, что удовольствіе является конечнымъ моментомъ всѣхъ человѣческихъ стремленій, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, что не нужно воздерживаться ни отъ какихъ наслажденій, но, сообразуясь съ мудростью, искать только того, что дѣйствительно полезно. Никколи въ третьей книжѣ высказываетъ противъ обоихъ; онъ полагаетъ, что они должны были бы говорить съ точки зрѣнія античныхъ философовъ, а не высказывать свое собственное убѣженіе. Какъ могли они, христіане, настолько опускать вопросъ вѣры? Языческая добродѣтель безъ теологическихъ добродѣтелей ничего не стоитъ; мысль, что *honestas* сама по себѣ приноситъ счастье—чистая иллюзія, какъ это показываетъ самый простой опытъ. Это ученіе, продолжалъ онъ, возникло только тогда, когда истинная вѣра утратилась и никто не зналъ, на чёмъ обосновать мораль. Доктрина Боеція ошибочна и философія не знаетъ высшаго блага. Истинное благо конечно заключается въ чувствѣ наслажденія (*voluptas*), потому что каждое дѣйствіе стремится къ вознагражденію и безъ него не мыслимо; но разница заключается въ томъ, что дурные ищутъ вознагражденія здѣсь на землѣ, добрые отказываются отъ земныхъ на-

слажденій для небеснаго, и Никколи въ заключеніе съ большимъ энтузіазмомъ описываетъ эту небесную *voluptas*, блаженство рая.

Съ 1431 года Валла былъ профессоромъ въ Павіи и потомъ въ Миланѣ. Панормита, до этого бывшій его истиннымъ другомъ, сдѣлался его ожесточеннымъ врагомъ,—какъ думалъ Валла, изъ зависти къ его славѣ, завоеванной сочиненіемъ *De voluptate*. Чтобы устранить имя Панормита изъ этой книги, онъ опубликовалъ ее снова (1433), перенеся сцену діалоговъ въ Павію, и ввелъ почти исключительно жителей Павіи и Милана, оставивъ остальное безъ особенныхъ измѣненій. Слова, принадлежавшія Леонардо, были теперь приписаны юрисконсульту Катоне Сакки, вмѣсто Панормита фигурируетъ поэтъ Маффео Веджіо, вмѣсто Никколи теологъ Антоніо да Ро, съ которымъ впрочемъ Валла позднѣе поссорился. Онъ продолжилъ борьбу за вѣру противъ языческой моральной философіи въ діалогѣ *De libero arbitrio*, въ книжечкѣ проникнутой истиннымъ религіознымъ чувствомъ, при чёмъ форма діалога очень искусна. Онъ нападаетъ на созданную схоластикой связь между теологіей и философіей, связь приводящую лишь къ заблужденіямъ; философіяничѣмъ не полезна теологіи, на противъ даже вредна. Какъ сочиненіе *De voluptate* было опровергнуто первыхъ четырехъ книгъ *De consolatione Boæcія*, такъ въ новой своей работѣ Валла обращается противъ пятой книги Боеція, доказываетъ, что въ дѣйствительности всевѣдѣніе Божіе не исключаетъ свободнаго выбора, но что для человѣческаго ума недоступно понять, какъ свободная воля примиряется съ всемогуществомъ Бога: въ сфере такихъ вопросовъ не слѣдуетъ стремиться къ знанію, а нужно смиренno вѣрить. Боецій очень преклонялся передъ философіей, поэтому онъ и впалъ въ заблужденіе; самыя высокія проблемы метафизики недоступны для человѣческаго пониманія, онъ являются дѣломъ религіи, и философы, подвергающіе все обсужденію, имѣютъ видъ тѣхъ гигантовъ, которые хотѣли взобраться на небо и были громами низвергнуты внизъ. Таковъ былъ прежде всего и Аристотель, высокоомнѣре которого Богъ сдѣлалъ видимымъ и осудилъ, когда въ своей безумной жаждѣ онъ устремился въ Эвропу.

Если здѣсь Валла выступаетъ противъ своихъ современниковъ—гуманистовъ, опровергаетъ ихъ вѣру во всемогущество знанія, въ другихъ мѣстахъ напротивъ онъ является ихъ передовыми бойцомъ въ борьбѣ противъ остатковъ средневѣковой науки. Въ Павіи онъ написалъ въ формѣ письма къ Кандидо Дечембріо критический отзывъ на трактатъ Бартоло *De insigniis et armis*, где онъ этого идола правовѣдовъ называетъ осломъ, вообще бранить современныхъ юристовъ, потому что у нихъ пѣтъ совершенно никакихъ познаній, достойныхъ свободнаго человѣка, и поноситъ также Юстиніана, желавшаго вытѣснить древнихъ и дѣйствительно великихъ римскихъ правовѣдовъ. Въ своихъ нападеніяхъ на схоластику гуманисты слѣдовали при-

мъру Петrarки, но Валла въ этомъ случаѣ болѣе рѣшителенъ и система-
тиченъ, чѣмъ всѣ другіе, онъ смотрѣть въ корень вещей. Три его
книги о діалектицѣ стремятся разрушить искусственное сооруженіе
обычной школьнай логики. Онъ сводить къ одному шесть аристоте-
левскихъ principle, десять категорій къ тремъ и упрощаетъ теорію
сужденій, въ особенности теорію силлогизмовъ, вездѣ указывая на
ложныя утонченности. Его изслѣдованіе, исполненное мѣткіхъ умо-
заключеній, основывается на здравомъ человѣческомъ разсудкѣ и на
внимательномъ разсмотрѣніи употребленія языка и грамматическихъ
законовъ; поэтому онъ также осуждаетъ варварскія словообразованія
схоластического жаргона. Равнымъ образомъ онъ крайне сурово от-
несся къ метафизическимъ и физическимъ представлѣніямъ Аристо-
теля, къ его идеямъ о Богѣ, душѣ, матеріи и формѣ, къ его изъ-
ясненію добродѣтели и высшаго блага, повторяя тѣ же самыя мы-
сли, которыя появляются въ діалогѣ *De voluptate*. Добродѣтель, го-
ворить онъ, не знаніе, а дѣло воли, это аффектъ, и основаніемъ
каждой добродѣтели является любовь, а цѣлью наслажденіе любимой
вещью (*voluntas*), т. е. наслажденіе въ Богѣ. Иногда онъ прибѣгаетъ
также къ доктринаамъ христіанской вѣры, когда борется противъ
Аристотеля, и между тѣмъ какъ средніе вѣка считали его источникомъ
высшей мудрости, онъ обходится съ нимъ совершенно безцеремонно, даже съ презрѣніемъ, обвиняетъ его въ глупости, въ пе-
редергиваніи смысла словъ, во лжи. Какъ это обыкновенно случается
съ тѣмъ, кто стремится устранить старыя ошибки, онъ въ сознаніи
собственной силы выходитъ за предѣлы своей цѣли. Онъ хочетъ
освободить мысль отъ цѣпей, наложенныхъ на нее нетерпимой школьнай
перипатетиковъ; его задача—бороться за истину, бороться му-
жественно, не боясь ни вражды, ни опасностей, ни даже безславія,
ибо если онъ и любить личную славу, есть для него все же нечто
высшее, именно святое дѣло, за которое онъ борется.

И дѣйствительно не мало вражды навлекъ онъ на себя своимъ
страшнымъ вызовомъ, даже до такой степени, что онъ повидимому
былъ изгнанъ сперва изъ Павіи, а потомъ изъ Верхней Италии. Онъ
отправился къ королю Альфонсу еще во время войны и въ 1442 году
прибылъ съ нимъ въ Неаполь. Отношенія Альфонса къ куріи, издавна
выказывавшей претензію на феодальный суверенитетъ надъ королев-
ствомъ и такимъ путемъ затруднявшей династію, заставили его на-
писать въ 1440 году въ Гаэтѣ работу о дарѣ Константина, сочиненіе
доказывающее, что документъ представляетъ изъ себя позднѣйшую
поддѣлку, что актъ дара не возможенъ и не оправдывается исторіей,
что все преданіе о приказѣ Константина и излѣчениіи его папой Силь-
вестромъ нелѣпый вымыселъ, и въ заключеніе онъ яростно напа-
даетъ на современныхъ папъ. Однако эта критика средневѣковаго
представлѣнія о свѣтской власти папы, критика, на которую часто

смотрѣли, какъ на самое смѣлое дѣяніе Валла и съ которой наиболѣе тѣсно соединяли его имя, по мысли не представляла изъ себя ничего особенно новаго. Николай Кузанскій не такъ давно передъ этимъ излагалъ ее, и уже Данте, правда, не отрицая дара самого по себѣ, опровергалъ въ своей «Монархіи» значеніе его тѣми же самыми аргументами, какими пользуется Валла.

При дворѣ короля Альфонса онъ занимался любимымъ авторомъ этого послѣдняго, Ливиемъ, внесъ многія улучшенія въ чтеніе и даже рѣшился подвергнуть сомнѣнію разныя мѣста историческаго повѣствованія, онъ предпринялъ также критику библейскаго текста и въ 1442 году закончилъ свою обширную грамматическую работу въ шести кни-гахъ, *Eleganze della lingua latina*, надъ которой работалъ нѣсколько лѣтъ. Это было другимъ великимъ новшествомъ. Успѣхи въ пользованіи латинскимъ языкамъ являлись результатомъ умѣнья, практически приобрѣтеннаго путемъ чтенія классиковъ; писали на данномъ языкѣ, но не писали о немъ, благодаря чему господствовали разныя колебанія и было много неувѣренности. Средневѣковые учебники были уже негодны, и Валла говоритъ о нихъ совершенно пренебрежительно. Нужно было установить твердыя нормы для правильного пользованія латинскимъ языкамъ, и Валла принимается за эту задачу, какъ за дѣло патріотизма. Римляне завоевали міръ двоякимъ обра-зомъ, мечемъ и языкамъ, и черезъ посредство этого послѣдняго они еще владѣютъ имъ до сихъ поръ; итакъ возвратить латинскому языку его чистоту послѣ периода долгаго варварства это значитъ освободить Римъ отъ Галловъ и снова возсоздать его, на подобіе второго Камила.

Впрочемъ *Eleganze* не являются полной грамматикой, мы видимъ здѣсь только замѣчанія о нѣкоторыхъ случаяхъ употребленія языка, при которыхъ могутъ возникать сомнѣнія и весьма возможны ошибки. Валла устранилъ много варваризмовъ, сдѣлавшихся обычными въ тек-ченіе среднихъ вѣковъ, напр. впервые установилъ правильное упо-требленіе *sibi* и *suus*, противъ котораго еще грѣшатъ всѣ его совре-менники. Онъ тщательно обосновалъ свои предписанія на приемахъ лучшіхъ авторовъ, прежде всего на приемахъ Квинтиліана и Ци-церона, но онъ не признаетъ безусловныхъ авторитетовъ и подвер-гааетъ критическому анализу даже классиковъ, разоблачаетъ слабые пункты римскихъ грамматиковъ, беспощадно критикуетъ даже Цице-рона и отдаетъ преимущество Квинтиліану, что было уже и въ его утраченной юношеской работѣ.

Въ Неаполѣ, кромѣ литературныхъ враговъ, у него нашлись еще и другіе, болѣе опасные, изъ среды монаховъ. Въ упоминавшемся діа-логѣ *De professione religiosorum* онъ съ уничтожающей діалектикой опро-вергалъ ложное понятіе о цѣнности монашескихъ обѣтовъ. Правило ордена, говорить онъ, является защитой и убѣжидемъ для тѣхъ,

кто безъ него считаетъ себя недостаточно сильнымъ, точно также какъ всякий законъ направленъ противъ ложныхъ шаговъ людей слабыхъ или дурныхъ; поэтому заслуга добродѣтели не больше въ монастырѣ, напротивъ даже меньше, нежели виѣ его. Когда затѣмъ онъ, споря противъ минорита фра Антоніо да Битонто, доказываетъ, что напрасно символъ апостоловъ разсматривается какъ дѣло самихъ апостоловъ, этотъ монахъ разразился противъ него въ одной изъ своихъ проповѣдей (1443). Валла вызвалъ его на диспутъ, который былъ запрещенъ королемъ; потомъ король, когда Валла былъ вызванъ на судъ Инквизиціи, запретилъ преслѣдовывать его. Но въ Римѣ воспользовались его желаніемъ возвратиться на родину и пригласили его туда, обѣщая ему безопасность, съ очевиднымъ намѣреніемъ лишить его покровительства Альфонса. Онъ отправился туда въ 1445 году, но вскорѣ спасся бѣгствомъ въ Неаполь и оттуда обратился къ папѣ Евгенію съ апологіей своихъ идей и сочиненій, бывшей въ то же время жестокимъ нападеніемъ на неаполитанскихъ инквизиторовъ. Николай V, не походившій на своего предшественника, по совѣту Вискаріона призвалъ Валла къ своему двору, избралъ его папскими секретаремъ, позднѣе назначилъ его профессоромъ риторики въ университетѣ и довѣрилъ ему переводъ Фукида и Геродота. При папѣ Каллисте онъ вновь опубликовалъ свои *Eleganze* въ двѣнадцати книгахъ, прибавивъ болѣе мелкія грамматическія сочиненія. Онъ умеръ 1 Августа 1457 года. Своей литературной дѣятельностью онъ оказалъ глубокое и продолжительное вліяніе; смѣлость его ума возвышаетъ его надъ современной эпохой и уже подготавливаетъ новую эру интеллектуального развитія; высокое убѣжденіе въ святости истины рисуетъ намъ въ болѣе чистомъ свѣтѣ и его гордость и его самоуверенность и заставляютъ закрывать глаза на различныя ошибки, къ которымъ онъ былъ приведенъ своимъ боевымъ характеромъ.

Отъ такой литературы, какъ литература этихъ первыхъ гуманистовъ, отличавшейся преимущественно ученымъ характеромъ, мы не можемъ ожидать особенно блестящихъ результатовъ въ области поэтическаго творчества; до Понтано и Полиццано латинская поэзія отличается плоскостью и прѣсностью. Въ стихахъ, которые Антоніо Лоски изъ Виченцы писалъ въ свои юношескіе годы въ Миланѣ при дворѣ Джіангалаеццо Висконти, мы находимъ риторической патріотизмъ, прилепляющійся къ интересамъ князя и мнѣняющійся согласно перемѣнѣ его политики. Антоніо, котораго Леонардо Аретино, въ посвященіи къ своему переводу платоновскаго «Федра», называетъ *unicum ac summum nostri temporis poetam*, написалъ также трагедію *Achilles*, пять краткихъ сценъ, раздѣленныхъ морализирующими хорами, въ стилѣ Сенеки.

Нѣсколько времени спустя репутацію лучшаго поэта своего времени пріобрѣлъ Антоніо Беккацелли по прозванию Панормита. Онъ

былъ отпрыскомъ благородной болонской фамилії Беккаделли, эмигрировавшій въ Сицилію, и родился въ 1394 году въ Палермо, откуда получилъ свое прозваніе. Получивъ ценежную поддержку отъ коммуны, онъ покинулъ въ 1420 году Сицилію со своимъ братомъ, чтобы изучать право въ самомъ знаменитомъ университѣтѣ континента. Въ Сіэнѣ онъ написалъ своего Негматроditus, собраніе шутливо-скабрезныхъ эпиграммъ, среди которыхъ въ качествѣ удивительного контраста мы находимъ также нѣсколько серьезныхъ стихотвореній, каковы напр. эпитафіи въ честь разныхъ поченныхъ женщинъ. Онъ обратился съ этой книгой къ Козимо де'Медичи, какъ бы для его развлеченія; первую часть онъ долженъ былъ читать своимъ гостямъ послѣ обѣда, вторую послѣ ужина, послѣ того какъ гости уже вышли: *sumpta madidis sit lectio соена.* Книжечка была опубликована въ 1425 или 1426 году и вызвала большой скандалъ среди теологовъ; Антоніо да Ро написалъ противъ автора инвективу, Фра Роберто изъ Лечче, святой Бернардино изъ Сіэны, блаженный Альберто изъ Сартеано и другіе говорили проповѣди противъ безславной книги и публично ее сожгли; Гварино, который сперва въ одномъ письмѣ къ Джіованни Ламола (1426) сильно хвалилъ ее, позднѣе написалъ скрытое опроверженіе (1435) и въ глазахъ потомства Негматроditus былъ пятномъ на имени Панормита. Во всякомъ случаѣ читатели шли очень далеко, когда изъ этихъ эпиграммъ они выводили заключеніе касательно нравовъ самого автора. Онъ просто подражалъ Марціалу и пріапическимъ поэтамъ, и защищался какъ древніе, какъ Катулль и Марціаль, разграничивая свою жизнь отъ своихъ стиховъ (II, 11). Непристойность представлялась тогда, какъ и много раньше и много послѣ, необходимой прправой шутки.

Панормита затѣмъ жилъ въ Шиаченцѣ, въ Болоньѣ, въ Падуѣ; онъ былъ нѣкоторое время въ Римѣ, и, если діалогъ Валла *De voluptate* является изображеніемъ реальной дѣйствительности, въ 1427 году онъ превесело жилъ здѣсь въ одной прекрасной виллѣ. По приглашенію архіепископа миланскаго Бартоломео Капра онъ отправился съ научными цѣлями въ Павию и, такъ какъ его семья не пожелала болѣе заботиться о немъ и требовала его возвращенія на родину, онъ сталъ искать при миланскомъ дворѣ какой-нибудь должности и послѣ усиленныхъ стараній получилъ ее на самыхъ блестящихъ условіяхъ (конецъ 1429 года). Въ качествѣ поэта и исторіографа онъ получилъ жалованье въ восемьсотъ золотыхъ *scudi* и по своему обыкновенію накупилъ лошадей и нанялъ множество челяди, что считалъ благопристойнымъ для своего положенія и для своего рожденія. Въ 1432 году онъ представлялся въ Пармѣ императору Сигизмунду и получилъ поэтическій вѣнокъ. Эта почесть, къ которой такъ жадно стремился Петрарка, потомъ конечно утратила свое значеніе и въ XV столѣтіи императоры, князья и города удостоивали ея всяческихъ

господъ, такъ что весьма быстро она сдѣлалась предметомъ насыщеннаго. Однако Панормита пользовался крупной литературной репутацией, что мы видимъ изъ факта, разсказанного въ одномъ письмѣ Гварино, о какомъ-то обманщикѣ, который въ Веронѣ (1434) выдавалъ себя за Панормита и вслѣдствіе этого подеста и самые видные граждане заключали его въ объятія и приглашали его на самые блестящіе банкеты. Но Панормита не осуществилъ большихъ надеждъ, которыя на него возлагали; похвальная поэма въ честь герцога Филиппо Марія, о которой онъ такъ часто говорилъ и ради которой онъ собственно и получалъ жалованье, не появилась никогда. Дошедши до насъ стихи, кромѣ *Hermaphroditus*, эпітафіи, эпіграммы и элегіи въ насыщенну надѣ противниками и въ похвалу правителямъ, друзьямъ и известнымъ красавицамъ, имѣютъ весьма жалкій видъ въ сравненіи съ стихами Поліціано и Понтано; онъ осуждалъ Порчелло за напыщенность его поэзіи, но самъ наоборотъ впадаетъ въ другую крайность и дѣлается плоскимъ и тривіальнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что онъ могъ писать стихи только тогда, когда испытывалъ пламенный энтузиазмъ, *furore*. Лучшимъ его стихотвореніемъ является его длинная элегія къ Ламола, который хочетъ удалить его изъ Болоньи и отъ возлюбленной (*Desine me placida verbis abducere terra*), причемъ описывается, какъ онъ былъ у возлюбленной и какъ она старалась удержать его жалобами и ласками.

Герцогъ также повидимому былъ разочарованъ и пересталъ относиться къ нему благосклонно; въ концѣ концовъ Панормита оставилъ Павію и возвратился въ южную Италию (1435), где его очень милостиво принялъ король Альфонсъ, и сталъ при немъ состоять въ качествѣ его чтеца и литературного совѣтника, и где онъ также при преемнике Альфонса Фердинандѣ имѣлъ удобное и влиятельное положеніе. Но литературная его дѣятельность почти совсѣмъ прекратилась и въ теченіе долгаго времени вплоть до самой своей смерти (1471) онъ не написалъ ничего, кроме ничтожной книги *De dictis et factis* и немногихъ писемъ, рѣчей и стиховъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ большимъ рвениемъ поощрялъ гуманизмъ въ Неаполѣ, и Понтано въ своемъ діалогѣ *Antonius* рисуетъ его старикомъ, изображаетъ, какъ онъ въ портике Антоніано собираетъ около себя людей знатныхъ и ученыхъ, судить обо всемъ мѣтко и остроумно, призываетъ себѣ прохожихъ, и по сократовской манерѣ спрашивается и выслушиваетъ ихъ.

Эпіграмма и элегія были еще самыми живыми формами латинской поэзіи; эпіческія попытки должны были претерпѣть полное фіаско, благодаря недостатку изобрѣтательности, чѣмъ вообще грѣшили поэты этой эпохи. Многіе, подражая по формѣ древнимъ, заимствовали у нихъ и сюжеты. Маффео Веджіо изъ Лоди, жившій въ Миланѣ и въ Павіи между 1430 и 1440 годами, съ дерзостью во-

обще свойственное гуманистамъ, взялся продолжать наиболѣе почитавшееся произведение классической поэзіи, «Энеиду» и съ этой цѣлью написалъ добавление къ двѣнадцатой книгѣ. Но что же онъ могъ прибавить? То, что Виргилій благоразумно предоставилъ фантазіи читателя, похороны Турна, бракъ Энея, немногія слова объ его счастливомъ правленіи и о томъ, что онъ былъ принять въ число боговъ; исторія представляется ему неоконченной, если онъ не сопроводилъ своего героя до самой смерти, но поэтическаго сюжета у него больше не нашлось. Поэма о золотомъ рунѣ (*Velleris aurei libri IV*) весьма кратко разсказываетъ истинное дѣйствіе, за то очень подробно разписаны махинаціи боговъ, которые ни на минуту не успокаются, постоянно говорятъ, сходять на землю, посылаютъ своихъ вѣстниковъ; здѣсь также мы видимъ сильное подражаніе стилю Виргилія. *Astyanaх* болѣе поэтиченъ, по крайней мѣрѣ въ части лирической, въ трогательныхъ жалобахъ Андромахи.

Позднѣе папа Евгений назначилъ Маффео Веджіо въ Римъ датаремъ и каноникомъ святого Петра; въ концѣ концовъ Веджіо вступилъ въ августинскій орденъ и умеръ въ 1458 году. За послѣднее время его жизни литературная его дѣятельность всецѣло обратилась къ религіознымъ сюжетамъ; но въ своей *Antonias*, посвященной Евгению, онъ описываетъ, какъ отшельникъ Антоній былъ у отшельника Павла, — собственно такимъ же образомъ, какъ онъ раньше разрабатывалъ легенды. Мы видимъ здѣсь тѣ же самыя эпическая сравненія, тѣ же самые стихи, являющіеся подражаніемъ Виргилію, рѣчи, только вместо классическихъ боговъ говорится о Богѣ и Люциферѣ. Центральнымъ пунктомъ латинской поэзіи былъ въ особенности дворъ Римини въ правленіе Сигизмондо ди Пандольфо Малатеста. Этотъ воинственный и честолюбивый князь обладалъ значительнымъ образованіемъ, но ему ставили въ упрекъ его безнравственность, жестокость и отсутствие религіозности; его война противъ Церкви не мало содѣйствовала его безславію. Папа Пій II заставилъ съ большой торжественностью сжечь его *in effigie* передъ церковью св. Петра и позднѣе (1463) вынудилъ его просить прощенія и отречься отъ своего еретичества, въ особенности отъ идеи, что душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. «Онъ построилъ, говорить папа въ своихъ *Commentari* (l. II р. 51), великолѣпную церковь въ Римѣ въ честь святого Франциска, но наполнилъ ее въ такой степени произведеніями языческаго искусства, что это не столько храмъ христіанскій сколько храмъ невѣрныхъ, которые обожаютъ демоновъ». Эта церковь св. Франциска была по большей части выстроена согласно планомъ Леона Баттиста Альберти; въ шести нишахъ, находящихся на боковыхъ аркахъ вѣнчшей западной стѣны, были помѣщены саркофаги, предназначавшіеся для придворныхъ ученыхъ и поэтовъ,

въ одной изъ церковныхъ часовенъ Сигизмондо заставилъ соорудитъ великолѣпную гробницу для своей сожительницы, съ надписью на подобіе языческихъ: *Divae Isottae sacrum*. Прославленіе этой прекрасной Изотты дельи Атти, любовницы, а позднѣе жены этого владыки, было главной обязанностью поэтовъ его двора, Базиніо Базини изъ Пармы и Порчелло изъ Неаполя, съ которыми мы уже знакомы, какъ съ историкомъ Пиччинини, между тѣмъ какъ самъ князь воспѣвалъ ее въ итальянскихъ стихахъ. Базиніо написалъ въ 1449 г. и въ слѣдующихъ годахъ *Isottaeus* въ трехъ книгахъ, собраніе поэтическихъ писемъ на манеръ *Eroidi* Овидія, переписка между Сигизмондо, Изоттой, отцомъ ея и самимъ поэтомъ. Порчелло представилъ въ двѣнадцати элегіяхъ, какъ любовью къ Изоттѣ возгорѣлся самъ Юпитеръ, но на время ея жизни отдалъ ее Сигизмондо, для того чтобы собственныя свои притязанія осуществить послѣ смерти. Базини кромѣ того стремился съ особеннымъ усердіемъ къ славѣ антическаго поэта; иногда, также какъ Веджіо, онъ разрабатывалъ античные сюжеты, иногда же принимался восхвалять своего покровителя. Будучи совершеннымъ юношой, когда онъ еще учился въ Феррарѣ при Гварино и Газа, онъ написалъ *Meleagris* въ трехъ книгахъ, гдѣ, будучи всецѣло исполненъ Гомеромъ, онъ дополняетъ повѣствование Овидія подражаніемъ «Иліадѣ», заимствуя нерѣдко изъ этой послѣдней цѣлые сцены и даже слова. Затѣмъ въ Римини онъ воспѣлъ въ тринаццати книгахъ своей *Hesperis* (около 1455) борьбу флорентинскаго кондотьера Малатеста противъ Альфонса Неаполитанскаго (1448) и противъ Фердинанда, герцога калабрійскаго (1452). Онъ дѣлаетъ изъ этой войны великое национальное предпріятіе въ защиту итальянской свободы противъ испанцевъ, *invasori esperici*, откуда и заглавіе произведенія. Онъ описываетъ также эти современные фигуры на манеръ гомеровскихъ героевъ, заставляетъ ихъ вооружаться, биться, говорить, приносить жертвы совершенно также, какъ дѣлали все это античные бойцы, заставляетъ боговъ руководить съ высоты небесъ ихъ предпріятіями и въ началѣ вводить для украшенія сцены изъ «Иліады» и «Одиссеи» въ свой прозаическій разсказъ. Здѣсь также нѣтъ недостатка въ преклоненіи передъ Изоттой: герой совершає фантастическое плаваніе на островъ Фортунату, соотвѣтствующее обычнымъ странствованіямъ въ Аидѣ, и тамъ его принимаетъ нимфа Психея, дочь Зефира, которая даруетъ ему свою любовь, приводить его въ храмъ славы и помогаетъ посѣтить другой міръ; ее, прекрасную безсмертную, боги назвали Изоттей (VIII, 36). Дѣянія Сигизмондо чудовищно преувеличены въ поэмѣ:

Sic e formica faciunt elephanta poetae,

съ полнымъ правомъ говорилъ Джіано Панноніо въ одной эпиграммѣ. Базини кромѣ того написалъ довольно скучную дидактическую

поэму, *Astronomica* въ двухъ книгахъ, и принялъ за новую эпопею *Argonautica*, связанную съ эпопеей Аполлонія Родосскаго, когда неожиданно умеръ, едва доживъ до тридцати двухъ лѣтъ (1457).

Ауреліо Требанію изъ Неаполя въ одной поэмѣ заставилъ Юпитера разсказывать о дѣяніяхъ Сигизмондо и возвеличивать ихъ, и точно также Порчелло, когда онъ покинулъ Римини и сталъ жить при дворѣ Federigo изъ Урбино, сталъ прославлять этого послѣдняго въ *Feltria* и восхвалять другихъ правителей въ своихъ элегіяхъ, обѣщалъ имъ вѣрное бессмертие, лишь бы они ему платили:

Perpetuo vivet aeterno carmine nomen
Sforcigenum, nam te candida ad astra feram...
Sis felix vatisque memor, qui laudibus effert
Sforcigenas, qui fert nomen in astra tuum.

Такъ говорилъ онъ обращаясь къ Франческо Сфорца, когда тотъ еще былъ кондотьеромъ. И такими же напыщенными похвалами поэты обмѣнивались взаимно.

Поэтическое творчество Филемъ Филемъ производить впечатлѣніе ремесленнической работы. Первое, что онъ держитъ въ головѣ, еще прежде, чѣмъ знаетъ хорошенько, что онъ будетъ писать, это—число стиховъ, и число должно быть круглымъ, чтобы онъ могъ имъ хвататься. Въ его сатирахъ десять тысячъ стиховъ, они въ десяти книгахъ, въ каждой книгѣ по десяти сатиръ и въ каждой сатирѣ ровно сто гекзаметровъ, благодаря чему онъ со своимъ пристрастиемъ къ греческимъ названіямъ называетъ ихъ *Nescatossticha*. Онъ написалъ десять книгъ эпиграммъ, озаглавленныхъ *De iocis et seriis*, опять десять тысячъ стиховъ, пять книгъ одѣ (*Carmina*), по большей части похвальныя пѣсни князьямъ и другимъ лицамъ, только пять тысячъ стиховъ; но онъ хотѣлъ дополнить число, такъ чтобы было десять книгъ, сто одѣ, десять тысячъ стиховъ. Онъ писалъ также и греческія стихотворенія, конечно не въ такомъ количествѣ, но все же три книги въ двѣ тысячи четыреста стиховъ.

Онъ началъ сатиры во Флоренціи и окончилъ ихъ въ Миланѣ 1-го декабря 1448 года, какъ онъ самъ доподлинно отмѣчаетъ въ концѣ. Въ этихъ стихотвореніяхъ онъ хотѣлъ не только порицать дурныхъ, но также и хвалить добрыхъ (IV, 10): *Satyræ vis incluta iuxta Invehit in vitium, virtutem laudibus effert*. Благодаря этому подъ однимъ заглавиемъ соединяются произведенія разнаго характера. Нерѣдко это въ нѣкоторомъ родѣ письма къ отдѣльнымъ личностямъ похвалами, совѣтами, поученіями, жалобами, просьбами и шутками, съ многочисленными указаніями на его жизнь и на события эпохи, которыя сообщаютъ этимъ стихотвореніямъ біографический и исторический интересъ. Одна такъ называемая сатира (IX, 6) является даже просто рекомендательнымъ письмомъ къ канцлеру Каспару Шликку для Никколо Арчимольдо, который въ качествѣ

посланника отправлялся ко двору императора Фридриха. Есть впрочемъ и мѣста, исполненные поэтической силы, какъ напримѣръ то мѣсто (III, 4), гдѣ онъ съ искреннимъ увлечениемъ нападаетъ на суевѣріе и на дрянныхъ священниковъ. Иногда также счастливо угаданъ фамильярный тонъ, какъ напр. въ письмѣ къ Катону Сакки, наполовину шутливомъ и наполовину серьезномъ, съ просьбой о постномъ кушаніи (VI, 3).

Въ *Sphortias* Филельфо естественно должно было быть двадцать четыре книги, какъ въ «Иліадѣ»; но онъ дошелъ только до одиннадцатой, въ манускриптахъ мы даже находимъ только восемь, и все это осталось неизданнымъ. Поэма должна была содержать исторію Франческо Сфорца до его побѣдного пришествія въ Миланъ; сохранившаяся часть доходитъ только до описанія борьбы противъ венецианцевъ близъ Караваджіо (1448). Въ цѣломъ передъ нами ничто иное, какъ историческій разсказъ; замыселъ бѣденъ какъ всегда: описывается одно любовное приключение Карло Гонзага въ Піаченцѣ, причемъ самымъ безвкуснымъ образомъ вводятся классические боги, которые принимаютъ участіе въ сраженіяхъ, внушаютъ герою свои рѣшенія и приготовляютъ ему препятствія. Фебъ даже влюбляется въ супругу Сфорца, Біанку Марію, и хочетъ обмануть ее, принявъ видъ ея мужа, чтѣмъ счастью ему запрещаетъ Юпитеръ. Все это однако не мѣшаетъ появиться св. Амвросію, и заводится разговоръ о церемоніяхъ христіанского культа.

Джіаннантоніо Кампано, родившійся въ 1428 году отъ бѣдныхъ родителей, въ мѣстечкѣ Кампани, Кавелли, обладалъ хорошими природными способностями, писалъ легко и быстро, но поэтому часто и небрежно; въ его поэзіи недостаетъ отдѣлки. Въ Перуджіи (съ 1453 года) онъ прославлялъ возлюбленную Браччіо Бальюони, т. е., повидимому, Маргариту, супругу Франческо делла Боттарда, изображалъ въ своихъ стихахъ праздники, танцы и рыцарскія игры, которыхъ Браччіо устраивалъ въ честь своей красавицы. Кампано говорить такъ, какъ будто ея красоты тронули его самого, между тѣмъ какъ онъ сочиняетъ для другого; но онъ воспѣваетъ также и собственную любовь, нѣкую Сильвію и пѣкую Суріану, находить тамъ и сямъ красивый и эффектный мотивъ, какъ напримѣръ въ элегіи *De discessu amasiae* (II, 10) или въ другой *Ad se ipsum de Diana discessu* (I, 23), гдѣ мы видимъ очень милую идиллическую картину, изображающую возлюбленную въ сельской обстановкѣ, среди прекрасной природы, и описывающую, какъ она въ плясѣ побѣждаетъ нимфъ и получаетъ вѣнокъ отъ Флоры.

Послѣ избрания папы Пія II онъ сдѣлался его придворнымъ по-этомъ и исторіографомъ, написалъ біографію папы и забавлялъ его своими эпиграммами. Пій сдѣлалъ его епископомъ Котроне и потомъ епископомъ Терамо въ Абруцци; но духовная его должность мало измѣнила образъ его мыслей. Это былъ веселый, легкомысленный

гуляка, любившій прежде всего удобства, хороший столъ и веселый разговоръ. Его стихи и его письма къ кардиналу Павлу, съ которым онъ былъ связанъ тѣсной пружбой, много говорятъ о банкетахъ и блещутъ остроумiemъ и шутками; цѣлая серія его эпиграммъ относится къ плодамъ, зелени, птицамъ, рыбамъ, это конечно эпиграммы предназначенные служить забавой за столомъ, въ то время когда поѣдались кушанья фигурирующія въ стихахъ. Мы можемъ видѣть, что при дворѣ Пия II не особенно жестоко бичевали плоть. Онъ не забылъ также и свою Суріану (Carm. V, 12; Epist. IV, 3); но какъ бы то ни было онъ не могъ болѣе пѣть о любви и поэтому поэзія его занимается только предметами ничтожными. Слѣдовательно Помпоній Лаэтъ не былъ ужъ такъ неправъ, когда утверждалъ, что музы его покинули, съ тѣхъ поръ какъ онъ постригся (см. Carm. VIII, 37).

При Павлѣ II его жизнь дѣлается болѣе серьезной; въ 1471 году онъ вмѣстѣ съ Франческо Пикколомини, легатомъ кардинала, былъ посланъ на рейхстагъ въ Регенсбургъ; Германія ему очень не понравилась, въ письмахъ и стихахъ онъ яростно ругаетъ холодную страну варваровъ, изъ которой ему хотѣлось бы поскорѣй бѣжать. Въ слѣдующемъ году онъ возвратился назадъ и чрезмѣрно восхвалаля племянника Сикста IV, Піетро Ріаріо, кардинала св. Сикста, говоря, что онъ представляетъ изъ себя самое высокое и прекрасное, что только есть на землѣ. Папа назначилъ его префектомъ Тоди и потомъ очень скоро перевѣлъ его на тѣхъ же условіяхъ въ Фолинью и въ Читта ди Кастелло. Въ этомъ послѣднемъ городѣ одинъ благородный поступокъ былъ причиной его паденія: когда жители были вынуждены принять папскихъ солдатъ, и нужно было отослать женщины и дѣти, онъ, подвигнутый состраданіемъ и негодованіемъ, писалъ къ Сиксту, увѣщаляръ его и даже какъ бы угрожалъ (Epist. IX, 4). Онъ впалъ въ немилость, напрасно искалъ въ Римѣ аудиенции и прощенія, отправился въ Неаполь, но и здѣсь не получилъ ничего кромѣ прекрасныхъ обѣщаній, такъ что разочарованный и озлобленный вернулся въ свое терамосское епископство (1475), гдѣ и жилъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ умеръ въ 1477 году, во времена своего пребыванія въ Сіенѣ.

Панегирикъ является основнымъ типомъ тогдашней латинской поэзіи; не проявленіе чувствъ, не изображеніе внутренняго и внѣшняго міра, а прославленіе отдельныхъ личностей и разныхъ дѣяній дѣжалось существенной задачей серьезной поэзіи. Когда князья и государства давали поэтамъ почести и дары и награждали ихъ деньгами, они отплачивали взамѣнъ похвалами и находили свою отплату вполнѣ хорошей; они раздавали безсмертіе. Въ эту эпоху слагается высокое представленіе о могуществѣ пера; только писатель передаетъ имена потомству, даетъ вѣчную славу или вѣчный позоръ. Поэтъ высту-

нааетъ наравнѣ съ князьями, даже выше ихъ; Кань Гранде, говорить Флавіо Біондо, болѣе извѣстенъ благодаря своимъ отношеніямъ къ Данте, нежели благодаря чему нибудь другому, и если что извѣстно о королѣ Робертѣ, это только потому, что онъ былъ другомъ Петрарки (Italia Illustr., р. 377 и 416). Въ то время когда классическое образованіе мало по малу завоевывало міръ, его представители занимали особенно важное и влиятельное мѣсто. Одинъ единственный человѣкъ, какъ напримѣръ Витторино изъ Фельтре или Гварино, распространяетъ вокругъ себя любовь къ научнымъ занятіямъ тамъ, гдѣ раньше господствовало невѣжество и умственное безразличіе; пребываніе Энеа Сильвіо въ Германіи даетъ и тамъ сильный толчокъ Возрожденію. Какъ толпятся около знаменитыхъ маестрі, съ какимъ рвениемъ и съ какой признательностью сходятся ученики на ихъ лекціи! И это образованіе, состоящее въ возрожденномъ краснорѣчіи и мудрости древнихъ, въ сознаніи собственного достоинства, считаетъ себя образованіемъ общечеловѣческимъ, единствено достойнымъ человѣка; поэтому оно и называется, по примѣру Цицерона, наименованіемъ *studia humanitatis* и выступаетъ рѣзкимъ контрастомъ по отношенію къ средневѣковымъ схоластическимъ дисциплинамъ, прежде всего по отношенію къ профессиональной юриспруденціи, которую такъ презираютъ гуманисты. Почтеніе, которымъ пользовался ученый, видное положеніе, которого онъ достигалъ собственными усилиями и упорнымъ трудомъ, пробуждало въ нѣкоторыхъ, какъ напр. въ Филемъфо, неумѣренную заносчивость; но почти всѣ они имѣютъ высокое о себѣ представленіе, гордую убѣжденностъ въ достоинствѣ того, что они дѣлаютъ и пишутъ.

Эта убѣжденностъ гуманистовъ въ важности собственной личности и всѣхъ ея проявленій въ особенности отражается въ ихъ многочисленныхъ эпистоларіяхъ. Есть много сборниковъ писемъ и нерѣдко очень обширныхъ, которые принадлежатъ по большей части наиболѣе виднымъ гуманистамъ, и относительно многихъ изъ этихъ сборниковъ, какъ напр. Поджіо, Франческо Барбаро, Филемъфо, Кампано, мы знаемъ, что они были собраны и опубликованы самими авторами. Латинскія письма уже составлялись съ цѣлью передать ихъ гласности, на нихъ смотрѣли, какъ на литературныя произведенія, и въ качествѣ таковыхъ они вскорѣ переходили изъ рукъ въ руки, возбуждая вниманіе и удивленіе. Поджіо часто посыпалъ друзьямъ копіи писемъ, которыя ему казались интересными и удачными. Поэтому если мы уже со времени Петрарки слышали многократно повторенные заявленія авторовъ, что они въ письмахъ говорятъ о разныхъ вещахъ совершенно конфиденціально, пишутъ безыскусственно и безъ всякихъ претензій, мы имъ конечно не вѣrimъ; они думали не только объ адресатахъ, но и о публикѣ. Филемъфо, когда онъ набрасывалъ что нибудь бѣглымъ образомъ, писалъ по итальянски,

чтобы написанное не дошло до потомства. Конечно мы, читая многія изъ этихъ сочиненій, не содержащихъ въ себѣ ничего, кромѣ комплиментовъ или дѣловыхъ замѣчаній, удивляемся, какъ могли они интересовать кого-либо, исключая того, къ кому обращались; но то была эпоха, когда обожали стиль и заботились не столько о содержаніи, сколько о латыни. Затѣмъ многія изъ сочиненій являются морализаціями,—тема столь излюбленная среди гуманистовъ, такъ что эти письма необыкновенно удлиняются, превращаются въ настоящіе трактаты, какъ мы это уже видѣли у Петрарки. Другія переполнены археологической эрудиціей, или они занимаются обсужденіемъ вопросовъ литературныхъ и лингвистическихъ. Форма письма была особенно удобна для того, кто желалъ подвергнуть публичному обсужденію какую-нибудь мысль или какое-нибудь соображеніе.

Многія изъ писемъ благороднаго венеціанца Франческо Барбаро (1398—1454) имѣютъ политическое содержаніе и потому представляютъ извѣстную важность, такъ какъ авторъ постоянно былъ занятъ дѣлами своей республики. Большую важность для гражданской и культурной исторіи имѣть корреспонденція Энеа Сильвіо, въ особенности корреспонденція того времени, когда онъ еще находился при дворѣ императора и когда сложныя нити политики нерѣдко проходили черезъ его руки, причемъ онъ не упускалъ случая освѣдомить своихъ корреспондентовъ касательно новостей. Но съ точки зрењія эстетической первое мѣсто занимаютъ безъ сомнѣнія письма Поджіо, именно благодаря тому, что въ нихъ меньше искусственности и изысканности, меньше замѣтенья литературный характеръ. Два рассказа, написанные имъ во время Констанцкаго собора, сдѣлялись знаменитыми, разсказъ о чувственной жизни на баденскихъ купальняхъ и разсказъ о краснорѣчивой защитѣ и героической смерти Іеронима Пражскаго, пробудившей въ немъ чувство восторженного преклоненія. Потомъ нигдѣ такъ живо не отражается гуманистическое движение той эпохи, какъ въ письмахъ, которыхъ онъ изъ Рима посыпалъ Никколи. При этомъ онъ писалъ по большей части простымъ легкимъ языкомъ, въ фамильярномъ тонѣ, и такимъ образомъ здѣсь не была неумѣстной даже извѣстная небрежность языка и нерѣдко варварская латынь. Очень живо онъ разсказываетъ въ одномъ случаѣ какое-нибудь забавное приключение, въ другомъ какую-нибудь интересную сцену, сопровождавшую его археологическія занятія, разсказываетъ, какъ въ Ферентино двѣ граціозныя дѣвушки смотрѣли на него, пока онъ списывалъ надпись, всю заросшую травой, и его усталые глаза отдыхали на ихъ лицахъ (Epist. III, 20), или, какъ въ Римѣ, въ то время какъ онъ старался расшифровать трудную скрытую надпись на вратахъ С. Лоренцо, проходящія донны останавливались, смыкались на его дурачества и онъ самъ былъ эхомъ ихъ веселаго хохота (III, 21). Суровый Никколи былъ скандализи-

рованъ такимъ легкомысліемъ и обратился къ нему съ упреками. Прекраснымъ мастерскимъ образцомъ путевыхъ описаній является разсказъ обѣ его странствій черезъ *ager tusculanus*, весь исполненный веселымъ юморомъ, столь свойственнымъ радостному настроению путешественниковъ (IV, 13, 1430). Онъ не только даетъ свѣдѣнія касательно древностей, но также отмѣчаетъ вездѣ и пейзажъ, виды съ тѣхъ пунктовъ, гдѣ находятся руины, и весьма живо описываетъ свое бѣдственное положеніе во время ночлега въ Боргетто, близъ Гrottafferраты, и музыку собачьяго лая и ослиныхъ криковъ, которые поперемѣнно наполняли воздухъ и служили ему колыбельной пѣсней.

Изъ сознанія собственного достоинства, такъ свойственного гуманистамъ, проистекала ихъ чрезмѣрная раздражительность. Благодаря сознанію своего превосходства будучи всегда расположены къ критикѣ, они въ то же время не могутъ выносить порицанія со стороны другихъ, хотя бы самаго легкаго, и какъ преувеличены ихъ похвалы, точно также преувеличена ихъ брань, въ томъ случаѣ, если они подвергаются чьему-нибудь нападенію. Это былъ сварливый народъ, благодаря чьему весь XV вѣкъ наполненъ литературными спорами; инвектива, въ самой страстной и грубой формѣ, дѣлается особымъ родомъ литературного творчества. Петrarка открылъ дорогу и даль тонъ; подходящимъ примѣромъ служатъ также эпиграммы Катулла и Марціала. Когда Колуччіо Салютати и Чино Ринуччини въ полемическомъ тонѣ отвѣчали на нападки Лоски, направленныя противъ ихъ роднаго города, Флоренціи, у нихъ по крайней мѣрѣ было хотя то извиненіе, что они руководились побужденіями патріотизма; другіе споры почти всегда вращаются въ сферѣ самыхъ бесплодныхъ личныхъ мотивовъ и не имѣютъ никакого фактическаго интереса. Жестокая вражда между Леонардо Аретино и Никколо возникла благодаря тому, что первый не выказалъ надлежащаго почтенія по отношенію къ наложницѣ втораго Бешвенутѣ; Никколо злословитъ Леонардо, а этотъ послѣдній направляетъ противъ своего бывшаго интимнаго друга сочиненіе, гдѣ не оставляетъ на немъ ни одного живаго мѣста (*Oratio contra nebulonem maledicu*m). Инвектива Гварино противъ Никколо также была вызвана злословіемъ послѣдняго.

Сципіоне Майненти изъ Феррары, позднѣе епископъ моденскій, испытывалъ особенное почтеніе къ своему великому римскому со-именику, и Поджіо, въ угоду ему, написалъ письмо, гдѣ сравнивалъ Сципіона съ Цезаремъ и отдавалъ преимущество первому (1435). Это было риторическимъ упражненіемъ; въ угоду другому Поджіо могъ бы поддерживать противоположный взглядъ. Но Леонелло д'Эсте, маркезе феррарскій, былъ въ свою очередь большимъ поклонникомъ Цезаря, такъ что ученый его двора, Гварино, счѣль позволитель-

нымъ напасть на Поджю, хотя этотъ послѣдній и былъ его другомъ. Поджю отвѣтилъ на нападеніе, обращаясь къ Франческо Барбаро, но въ формѣ примирительной, и вскорѣ оба противника снова сдѣлялись добрыми друзьями. Однако, когда вскорѣ вмѣшался въ пользу Цезаря, третій, Чиріако д'Анкона, тогда Поджю, въ письмѣ къ Леонардо Аретино, назвалъ своего противника двуногимъ осломъ, бородатымъ сатиromъ, голоднымъ нищимъ.

Гораздо болѣе обостреннымъ и непріятнымъ характеромъ отличается споръ между Поджю и Филельфо. Кромѣ своихъ сатиръ, Филельфо написалъ въ 1437 году прозаической памфлеть, гдѣ, обращаясь къ флорентинскимъ изгнанникамъ, онъ обвиняетъ Козимо де Медичи въ томъ, что этотъ послѣдній обогатился посредствомъ убийства (папы Иоанна XXIII), обмана и поддѣлокъ, обвиняя и Поджю въ воровствѣ и убийствѣ и т. д. Поджю, отвѣчая на нападеніе, сперва дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ только защитить своего друга Никколи и отомстить за него, и за первой инвективой выпускаетъ еще три другихъ. Обѣ партии пользуются, въ качествѣ оружія, самой низкой грязью; взаимно стараются осыпать другъ друга разными оскорблѣніями, обвиняютъ противника въ самыхъ гнусныхъ порокахъ и взвѣдѣть на него всевозможныя преступленія. Филельфо, если вѣрить обвиненіямъ, обманулъ въ Венеціи Леонардо Джустиніани, а въ Болонѣ убилъ одного минорита; Поджю въ свою очередь убилъ своего отца и сдѣлалъ изъ своей матери Іокасту (Sat., V, 7). Полемизирующие не довольствовались униженіемъ одного только противника, они нападали на его семью, разоблачали интимнѣйшія отношенія частной жизни, что представляетъ въ мрачномъ свѣтѣ понятія о чести, свойственные тому времени. Сообщаются всевозможныя скандалезныя вещи относительно родителей: Поджю умѣетъ разсказать чудовищныя вещи о доннѣ Феодорѣ, Филельфо равнымъ образомъ разсказываетъ всякую всячину о доннѣ Ваджі. Большая часть изъ этого, конечно, самая безстыдная ложь: она сказывается уже въ самомъ преувеличеніи, и ее можно доказать въ отдѣльныхъ случаяхъ, гдѣ участь есть надлежанія свѣдѣнія, какъ напримѣръ, касательно пребыванія Филельфо въ Венеціи и Болонѣ. Такая наглая, беззастѣнчивая ложь считалась подходящимъ и позволительнымъ оружіемъ въ литературной борьбѣ, и тотъ, на кого нападали, не пытался опровергать, потому что все знали, что все это неправда. Такія книги, исполненные грязи и клеветъ, посвящались потомъ князьямъ и принимались ими съ благодарностью; такъ напримѣръ сатиры Филельфо принялъ король Альфонсъ.

Однако Филельфо, хотя онъ такъ же мало заслуживаетъ нашего уваженія, какъ и его противникъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ предъ нимъ одно преимущество: его инвективы облекаются въ болѣе пристойную

форму. Инвектива у него является только частью общей сатиры; онъ становится на болѣе высокую точку зрењія, разсуждаетъ какъ моралистъ, указываетъ на отдельныя личности, какъ на примѣры, и даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самыхъ заклятыхъ его врагахъ, видимо старается удалить изъ своихъ карикатуръ все личное; онъ хочетъ играть роль защитника добродѣтели, говорящаго не изъ личныхъ интересовъ, хочетъ быть Ювеналомъ своего времени, бичевать ту порочность, въ которой участвуютъ Никколи, Карло Аретино, Поджіо и Козимо. Такимъ образомъ мораль дѣлается для него удобнымъ предлогомъ и маскою для крайне ядовитой полемики. Самый стихъ также отличается болѣшимъ достоинствомъ, и эти краткія стихотворенія, въ сто строкъ каждое, не расплываются въ ту безконечную болтовню, какую мы видимъ въ его собственныхъ прозаическихъ сочиненіяхъ, а также въ прозаическихъ работахъ Поджіо и другихъ писателей.

Любопытнѣе всего, что Поджіо и Филельфо въ концѣ концовъ заключили миръ, безъ сомнѣнія тогда, когда послѣдній старался пріобрѣсти опять благосклонность Медичи (Sat. VII, 7), послѣ смерти герцога Филиппо-Марія. Но если Филельфо склонялся передъ сильными міра сего ради выгода, по отношенію къ старымъ литературнымъ противникамъ онъ сохранялъ въ душѣ ядъ, и послѣ смерти Поджіо неоднократно наносилъ ему подлые удары.

Полемический жаръ Поджіо не смягчился и въ преклонномъ возрастѣ; во время одной распри между нимъ и грекомъ Георгосомъ изъ Трапезунда дѣло дошло до настоящей драки въ присутствіи другихъ папскихъ секретарей (1451). Вскорѣ послѣ этого (1451—53) у него произошла другая крупная распра съ Лоренцо Валла. Въ одномъ манускриптѣ опубликованныхъ имъ тогда писемъ, снабженныхъ глоссами, критикующими стиль, Поджіо приписалъ ихъ Лоренцо Валла, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній утверждалъ, что они принадлежатъ одному юношѣ изъ Каталоніи, его ученику; изъ этого возникла первая инвектива, гдѣ, наряду съ обычными оскорблѣніями, Валла получаетъ упрекъ въ непочтеніи къ великимъ древнимъ и его Eleganze названы ребяческими и педантическими разглагольствованіями. Валла отвѣтилъ тремя первыми книгами своего *Antidotum*: онъ не отличается большою умѣренностью, но, какъ вообще въ своихъ трудахъ, онъ въ полемикѣ болѣе систематиченъ и превосходитъ своего противника въ діалектизѣ и филологической учености. Но у Поджіо было наготовѣ другое оружіе, онъ нашелъ его въ отношеніяхъ Валла къ монахамъ. Уже въ концѣ первой инвективы онъ угрожалъ ему обвиненіемъ въ ложной вѣрѣ; во второй—онъ обвиняетъ его въ кощунствѣ надъ Христомъ, и въ ереси, благодаря чему Валла уже былъ осужденъ въ Неаполѣ на сожжение, не помилованъ благодаря вмѣшательству короля и наказанъ розгами. Въ третьей

инвектива находитъся выдумка дѣйствительно грандиозная по своей злостности. Въ ней рассказывается, какъ Валла, благодаря своимъ гнуснымъ дѣяніямъ, былъ отосланъ въ Адъ, и какъ діаволы уже приготовились терзать его и какъ послѣ этого имъ пришло на умъ, что самое лучшее такого мерзавца отправить обратно въ міръ, чтобы онъ его заразилъ и предалъ Сатанѣ. И тутъ Поджіо рисуетъ передъ нами адское собраніе, встрѣчающее ликованиемъ своего вѣрного, и Валла хвастается своими пороками, обѣщає сохранять свою преданность діаволамъ и клянется Люциферу въ вѣрности, причемъ его клятва отличается весьма своеобразной формой, не позволяющей подвергнуть ее нашему ближайшему разсмотрѣнію. Въ преддверіи Ада въ честь его воздвигается колосальная статуя съ надписью: Laurentio Vallae. Валла отомстилъ за себя въ діалогѣ своего Apologus другой выдумкой; онъ выдумалъ, что Поджіо подвергается экзамену по латинскому языку въ присутствіи повара и конюха Гварино и познанія этихъ двухъ заставляютъ его устыдиться. Поджіо написалъ еще четвертую и пятую инвективу, послѣднюю — въ отвѣтъ на Apologus; Валла издалъ второй діалогъ и четвертую часть Antidotum. Франческо Барбаро тщетно пытался установить миръ, чтò ему въ другихъ случаяхъ удавалось. Но почти комическимъ является здѣсь Филемъфо, выступающій въ качествѣ миротворца: въ письмѣ, направленномъ къ обоимъ спорящимъ (отъ 7 марта 1453 г.), онъ указываетъ имъ на непристойность ихъ спора, на обоюдную ложь и неприличную ругань и говоритъ, что самъ онъ не можетъ безъ чувства стыда подумать о своей прежней полемикѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не отказался отъ спора съ Кандидо Дечембріо; когда гуманисты говорятъ съ другими — у нихъ всегда на языке добродѣтель.

Валла уже раньше полемизировалъ съ францисканцемъ Антоніо да Ро по поводу своихъ Eleganze и въ другой разъ полемизировалъ противъ Фаціо и Панормита касательно своей исторіи Фердинанда Арагонскаго. Поджіо отдавалъ также свой полемическій жаръ на служеніе куріи: онъ напалъ въ одноть памфлетѣ на антипапу Феликса и на Базельскій соборъ (1447). Съ большими озлобленіемъ Филемъфо боролся въ теченіе долгихъ лѣтъ противъ Кандидо Дечембріо, своего соперника въ Миланѣ, противъ Лодризіо Кривелли, когда этотъ послѣдній сталъ защищать отъ его нападенія память Пія II, противъ Галеотото Марціо изъ Нарни, осмѣлившагося критиковатъ его Sforziade, и противъ другихъ. Панормита полемизировалъ съ Антоніо да Ро и когда вместо того чтобы отвѣтить лестью на заискиванія Порчелло, который обратился къ нему съ своими пѣснями, посмѣялся надъ нимъ въ одной элегіи, указывая на пристрастіе къ пустымъ громкимъ словомъ, онъ получилъ въ отплату поэтическую инвективу. И тотъ же самый Порчелло, вместѣ съ Томмасо Сенека да Камерино, напалъ въ стихахъ на Базиніо, состоявшаго при дворѣ

Римини, потому что онъ поддерживалъ убѣжденіе въ безусловной необходимости для литераторовъ изученія греческаго языка, послѣ чего доказалъ ихъ невѣжество, сказавшееся во многихъ метрическихъ ошибкахъ. Ко всѣмъ этимъ литературнымъ спорамъ присоединился другой также жаркий споръ, возникшій между греками, живущими въ Италии, касательно того—кому отдать предпочтеніе—Платону или Аристотелю. Этотъ споръ однако представляеть изъ себя больше интереса, онъ тѣсно связанъ съ возобновившимъ тогда изученіемъ философіи и съ возрожденіемъ платоновскаго или лучше сказать неоплатоновскаго ученія.

Философія Платона не была въ Италии новостью въ полномъ смыслѣ этого слова: ее уже давно знали благодаря Цицерону, Боецю, Апулею, Августину, Діонисію Ареопагитѣ,—и Петrarка, въ своей борьбѣ противъ схоластиковъ, былъ склоненъ отдавать преимущество философіи Платона передъ учениемъ Аристотеля. Уже въ концѣ XIV вѣка Чино Ринуччини, въ своей инвективѣ противъ хулителей Данте, Петrarки и Боккаччіо, сѣтовалъ на новаторовъ, ставившихъ Платона выше Аристотеля. Когда въ 1438 году греки находились на Феррарскомъ соборѣ, знаменитый медикъ и философъ Уго Бенчи изъ Сіены, во время пиршства устроеннаго въ ихъ честь, вызвалъ ихъ на диспутъ касательно всѣхъ тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ существовало, повидимому, разногласіе между Аристотелемъ и Платономъ, онъ вызвался на манеръ софистовъ защищать всегда ту сторону, которая подвергается нападенію и остался въ этой борьбѣ побѣдителемъ, благодаря чему сдѣлалось очевиднымъ, какъ говорить папа Пій (Евгора, с. 53), что итальянцы, уже давно обогнавшіе грековъ въ военной славѣ, отнынѣ стали превосходить ихъ также во всѣхъ отрасляхъ знанія.

Не было недостатка и въ переводахъ платоновскихъ сочиненій: одинъ переводъ «Республики» сдѣлалъ Кризолора, потомъ Уберто и Кандидо Дечембріо переработали его; Леонардо Аретино перевелъ «Федона», «Горгія», «Критона», «Федра», «Апологію», письма приписанныя Платону; имъ былъ также переведенъ быть можетъ апокриический «Аксіохъ». Онъ прославляетъ въ Платонѣ (Epist. I, 8) искусство вести діалогъ, полноту его краснорѣчія, его удивительную легкость и изящество. Такимъ образомъ онъ уже рассматриваетъ его съ точки зрењія эстетической, а не съ одной только научной или моральной стороны, какъ это дѣлали другие. И эти эстетическія достоинства Платона должны были доставлять ему сторонниковъ въ то время, когда все вниманіе было обращено на культивированіе искусства красоты. Но Леонардо во всякомъ случаѣ въ существенныхъ чертахъ остается ученикомъ Аристотеля; онъ не только перевелъ и его, но также написалъ краткое предисловіе для «Этики къ Никомаху», въ формѣ діалога, озаглавивъ его *Isagogicon* и обратившись съ нимъ къ

Галеотто Риказоли. Здѣсь онъ доказываетъ необходимость верховной цѣли, высшаго блага, указываетъ на три главныя античныя доктрины касательно этого, доктрину эпикурейцевъ, припатетиковъ и стоиковъ, но объясняетъ, какъ въ сущности онъ не различаются между собою и одинаково ставятъ добродѣтель основаніемъ счастья; затѣмъ онъ разграничиваетъ самыя добродѣтели, раздѣляетъ ихъ, согласно съ ученіемъ Аристотеля, на моральныя и интеллектуальныя, и навсегда опредѣляетъ первыя, какъ истинную середину между двумя крайностями.

И точно такимъ же образомъ другіе гуманисты, болѣе древніе, являются почти всѣ перипатетиками. Всѣ они очень часто хвалятъ философію; Никколи называетъ ее «матерью всѣхъ изящныхъ искусствъ», говорить, что «изъ ея источника проис текаютъ всѣ эти гуманитарныя занятія» (Leon. Aretino, Dialogus ad Petrum Histrum). У Цицерона читали, что безъ философіи нельзя быть краснорѣчиемъ (Orator, 4, 14); но подъ философіей собственно разумѣли только мораль, и эта послѣдняя, какъ мы уже видѣли, сдѣлалась скрѣе средствомъ для упражненія въ стилѣ, нежели самостоятельной цѣлью. Систематического философствованія здѣсь такъ же мало, какъ и у Петрарки.

Поэтому энтузіазмъ относительно Платона, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрожденіе умозрительныхъ занятій, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ приписать вліянію грековъ пришедшихъ въ Италию и прежде всего Целтону. Среди тѣхъ, кто послѣдовалъ за императоромъ, сперва въ Феррару (1438), а потомъ во Флоренцію, на соборъ имѣвшій цѣлью унію (1439), былъ Георгіосъ Гемистосъ, тогда уже старикъ за восемьдесятъ лѣтъ. Родившись въ Константинополѣ, онъ жилъ позднѣе въ Пелопоннесѣ, въ древней Спартѣ—Мисирѣ, и пользовался большимъ авторитетомъ у греческихъ императоровъ. Онъ былъ очень занятъ мыслю о возрожденіи своего народа посредствомъ религіозно-политической реформы и обѣ усиленіи его противъ опасности грозившей со стороны турокъ. Религіозная философія, изложенная имъ вмѣстѣ съ политической доктриной и съ моралью подъ заглавиемъ *Nous*, представляла изъ себя странный культъ олицетворенныхъ абстракцій, которымъ онъ придавалъ имена классическихъ боговъ; онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на живыя существа и хотѣлъ, чтобы въ этомъ смыслѣ въ честь ихъ устраивались торжества и пѣлись гимны. Вообще его философскія идеи исходятъ отъ неоплатониковъ, доктрины которыхъ всѣми отожествлялись тогда съ доктринаами Платона.

Такимъ образомъ Гемистосъ полагалъ, что онъ основывается на Платонѣ, и его преклоненіе предъ нимъ было настолько велико, что онъ перемѣнилъ свое имя *Гемистосъ* на греческое слово такого же значенія *Плетонъ* (*Plethon*), чтобы оно походило на имя его маэстро. Онъ открыто и яростно нападалъ на христіанство, называяль

его представителей софистами, защищая противъ нихъ свое ученіе о вѣчномъ пресуществованіи душъ и объ ихъ странствіяхъ и воплощеніяхъ во многихъ тѣлахъ. Его противникъ Геннадіосъ, патріархъ константинопольскій, сжегъ послѣ смерти Гемистоса большую часть его книги, благодаря ея языческому содержанію. Но повидимому этимъ характеромъ его книги совсѣмъ не были скандализированы строгохристіанскіе его послѣдователи въ Италии. Вискаріонъ, бывшій его ученикомъ въ Целопоннесѣ, написалъ послѣ смерти Гемистоса (1450) утѣшительное письмо его сыновьямъ, гдѣ говорить, что послѣ Платона и Аристотеля Гречія не рождала ни одного такого мудраго мужа и что если бы можно было вѣрить въ преселеніе душъ, нужно было бы предположить, что душа Платона жила въ немъ. Во Флоренціі онъ завязалъ отношенія съ итальянскими учеными и восплеменялъ ихъ своимъ вдохновеннымъ словомъ. Здѣсь, быть можетъ побуждаемый, какъ это думаетъ Фіорентино, диспутомъ маэстро Уго Бенчи, онъ написалъ сочиненіе относительно различія между Аристотелемъ и Платономъ, причемъ послѣдняго ставилъ гораздо выше, безусловно осуждалъ метафизику, психологію и этику Аристотеля, обвинялъ его въ невѣжествѣ, въ несправедливости и заносчивости предъ своими предшественниками, и, признавая, что въ его сочиненіяхъ есть полезныя мысли, предостерегалъ отъ многочисленныхъ ошибокъ.

Первое опроверженіе было написано въ самой Гречіи врагомъ Платона Георгіосомъ Сколаріосомъ, который позднѣе, когда сдѣлался монахомъ, принялъ имя Геннадіоса; онъ хотѣлъ защищать Аристотеля въ интересахъ христіанства, между тѣмъ какъ Плетонъ, отвѣчая, обвинялъ его въ наклонности къ атеизму. Вискаріонъ обратился къ Гемистосу съ четырьмя вопросами касательно противорѣчій, найденныхъ имъ въ различныхъ пунктахъ неоплатоновской метафизики; на вѣжливый запросъ, исполненный истиннаго почтенія, онъ получилъ отвѣтъ. Параллель между Аристотелемъ и Платономъ еще не возникла, а благодаря этому не возникали и диспуты. Только послѣ смерти Плетона начался споръ, прежде всего касательно вопроса, разсмотрѣннаго въ XVII главѣ его сочиненія о различіи между двумя философами, именно, «творитъ ли природа размыщеніемъ (*consilio*)». Плетонъ отвѣчалъ утвердительно, Аристотель отрицательно, и Плетонъ въ свою очередь высказался въ пользу первого мнѣнія. Газа возсталъ противъ этого въ своемъ трактатѣ *Отъ η φύσις βογλεύεται* и обратился за рѣшеніемъ къ Вискаріону. Въ краткомъ сочиненіи этотъ послѣдній высказался за платоновскую доктрину, стараясь однако доказать, что Аристотель не думалъ иначе. Противъ этого возсталъ Георгіосъ изъ Трапезунта (*εἰ φύσις βογλεύεται*), рѣшительно отвергая доктрину, представляясь, будто онъ не зналъ, что Вискаріонъ былъ авторомъ этого сочиненія. Послѣдовалъ болѣе обширный трактатъ Вискаріона *De natura et arte adversus Georgium Trapezuntium*.

Онъ истолковываетъ здѣсь мнѣнія Платона въ томъ смыслѣ, что размышеніе касательно вещей не человѣческихъ должно было разумѣться въ болѣе высокомъ смыслѣ (не искать, но мыслить, непосредственно достигать цѣли), и что это размыщеніе не связано имманентно съ природой, но свойственно духу Господню, который имъ управляетъ и пользуется природой только какъ средствомъ. Точно такимъ же должно было быть и мнѣніе Аристотеля, но только онъ этотъ метафизический вопросъ не рассматривалъ подробно въ физикѣ. Виссаріонъ, какъ и вообще всѣ неоплатоники, утверждаетъ, что въ сущности Аристотель согласенъ съ ихъ учителемъ Платономъ: «Защищая Платона, говорить онъ (сар. 6), я далекъ отъ желанія осуждать ученіе Аристотеля, я хочу только, насколько могу, попытаться доказать, что оба эти философа всегда согласуются другъ съ другомъ». Изъ области чисто научной каждый спорящій внезапно пересекивается, какъ это случалось обыкновенно, къ области религіозной, старается представить собственную идею ортодоксально-христіанской, обвиняетъ противника въ ереси, что для обѣихъ сторонъ было не трудно, такъ какъ это былъ собственно споръ изъ за словъ.

Эта полемика должна была возникнуть около 1460 года. Именно тогда Виссаріонъ, въ сочиненіи, гдѣ рассматривалось понятіе о субстанціи, предъявилъ возраженія противъ плетоновской критики аристотелевской доктрины; за этимъ Газа издалъ свой трудъ касательно того же предмета. Противъ него выступилъ Микеле Апостоліо изъ Крита, защищая Платона, причемъ онъ также нападалъ на Аристотеля; однако онъ обманулся въ своемъ ожиданіи признательности со стороны Виссаріона и напротивъ—получилъ отъ него строгій выговоръ (въ письмѣ отъ 19 мая 1462 года). Уже раньше, въ отвѣтъ Апостоліо писалъ Андронико Каллисто. Три года спустя Георгіосъ изъ Трапезунта опубликовалъ свое сравненіе между Аристотелемъ и Платономъ въ трехъ книгахъ (1465). Здѣсь онъ всецѣло впадаетъ въ тонъ литературныхъ инвективъ того времени, обращаясь только не противъ живыхъ, а противъ античнаго философа; онъ забрасываетъ грязью личность Платона, изображаетъ его негодяемъ, пьяницей, распутникомъ, мошенникомъ и разбойникомъ, называетъ его мораль предверіемъ самыхъ гнусныхъ злодѣяний; но рѣшительнымъ пунктомъ прежде всего является здѣсь мысль, что философія Аристотеля согласовалась съ христіанской вѣрой; Георгіосъ даже нашелъ у него ученіе о Троицѣ, которую онъ долженъ былъ познать благодаря особому откровенію. Виссаріонъ отвѣтилъ сочиненіемъ въ четырехъ книгахъ *In calumniatorem Platonis*, гдѣ онъ говоритъ, правда, презрительно, но во всякомъ случаѣ съ достоинствомъ, какъ всегда. Онъ находитъ, что доктрина Платона болѣе согласуется съ христіанствомъ, нежели доктрина Аристотеля, но въ тоже время подчеркиваетъ, что онъ не хочетъ этимъ сдѣлать изъ него христіанина, и

осуждаетъ тѣ изъ его идей, которыя приняты Плетономъ и противорѣчать вѣрѣ. Защищая систему Платона, Виссаріонъ развила здѣсь значительную ея часть и такимъ образомъ содѣйствовалъ распространѣнію истиннаго знакомства съ этимъ философомъ въ Италии.

Георгіосъ пытался еще разъ убѣдить своего противника въ ереси; Аргиропулъ также опровергалъ эти положенія относительно сущности идей, изложенныхъ кардиналомъ въ предисловіи, и поручилъ Газѣ опроверженіе (въ *Αντιφράστικόν*). Но большое сочиненіе Виссаріона, которое, будучи уже набросано въ трехъ книгахъ въ 1466 году, появилось въ печати въ 1469 г., положило конецъ этому спору. Онъ велся греками; но они писали отчасти по латински, предназначая такимъ образомъ свои сочиненія для итальянскихъ читателей, и Виссаріонъ многократно обращается именно къ нимъ. Одинъ экземпляръ своей книги онъ послалъ Марсиліо Фичино, и тотъ принялъ ее весьма благосклонно.

Излагая во Флоренціи свои идеи, Плетонъ произвелъ также особенно глубокое впечатлѣніе на Козимо де'Медичи; онъ вознамѣрился вызвать опять къ жизни платоновскую академію и увидалъ наиболѣе пригодное орудіе для такой цѣли въ сына своего медика, юномъ Марсиліо Фичино. Марсиліо (1433—1499), родившись въ Фильине, мѣстечкѣ въ верхнемъ Вальдарно, изучалъ медицину въ Болонье, но Козимо попросилъ его отца предоставить ему слѣдовать собственнымъ наклонностямъ и снабдить его необходимыми средствами, чтобы онъ сдѣлался врачомъ не тѣль, а душъ. Прежде всего Фичино ознакомился съ платоновской философией чрезъ посредство латинскихъ авторовъ, передававшихъ ее, и написалъ въ 1456 году *Institutiones platonicae*, по совѣту Козимо и Ландино оставилъ ихъ пока въ сторонѣ и съ большей энергией отдался изученію греческаго языка. Постѣ этого онъ приступилъ къ труду, предназначенному для него Козимо, въ качествѣ жизненной задачи, къ переводу на латинскій языкъ всѣхъ сочиненій Платона. Козимо снабдилъ его манускриптами, далъ ему небольшое имѣніе въ Монтевеккіо, близъ принадлежавшей фамиліи Медичи виллы Кареджи, кромѣ того домъ въ городѣ, чтобы онъ могъ работать съ болѣшимъ удобствомъ. Первые его переводы были имъ прочитаны его благодѣтелю въ Кареджи въ 1464 году; ими занимался въ послѣдніе свои дни престарѣлый Козимо, до самой смерти не перестававшій интересоваться платоновскими мыслями. Не менѣе прочной была дружба, связывавшая его съ Марсиліо Піеро де'Медичи, — и Лоренцо, которому онъ преподавалъ философию, сердечно любилъ его; подъ его покровительствомъ и при его живомъ участіи платоновская академія достигла своего высшаго развитія. Около 1477 года Фичино окончилъ переводъ Платона, потомъ онъ перевѣлъ также Плотина и составилъ обширный комментарій къ обоимъ. Систематическое изложеніе философиі онъ сдѣлалъ въ девятнадцати книгахъ своей

Theologia platonica de immortalitate animarum, оконченной, послѣ пяти-
лѣтняго труда, между 1478 годомъ и 1480.

Философія Фичино и другихъ, называвшихся тогда платониками, не является ученіемъ Платона въ первичной его формѣ; она представляетъ изъ себя ту его разработку, какая была сдѣлана неоплатониками. Эти послѣдніе еще имѣли репутацію истинныхъ истолкователей и продолжателей платоновской мудрости, каковыми они и сами себя считали, и, изучая съ такою любовью оригиналъ сочиненія Платона, читали и понимали ихъ лишь въ томъ смыслѣ, который быть приписанъ имъ позднѣе. «Золото, дарованное богомъ Платону», писалъ Фичино Виссаріону (Epist., lib. I, p. 616), «сперва скрывалось отъ тѣхъ, кто не имѣлъ глазъ рыси, потомъ, поступивъ прежде всего въ мастерскую Плотина, а затѣмъ Порfiria и Ямблиха, и наконецъ Прокла, оно подверглось тщательному испытанію огня, было совершенно очищено отъ песку и засяло такимъ яркимъ свѣтомъ, что пышнымъ блескомъ его наполнился весь міръ».

Основнымъ принципомъ неоплатониковъ былъ постепенный переходъ отъ Бога къ миру, теорія, имѣвшая свое происхожденіе въ ученіи Платона о демонахъ, какъ посредникахъ между богами и людьми. Марсиліо Фичино нисходитъ отъ самого высшаго существа къ самому низшему чрезъ пять ступеней; эти ступени — Богъ, ангелы, разумныя души, качества матеріи, сама матерія. Сущность болѣе высокая всегда распространяется до тѣхъ поръ, пока не сочетается съ сущностью стоящей ниже. Душа человѣческая также не соединяется непосредственно съ грубой чувственностью, но заключается въ другомъ воздушномъ тѣлѣ, которое она сохраняетъ въ тѣлѣ земномъ. Понятіе о Богѣ образуется изъ абстракцій всѣхъ совершенствъ; но въ немъ они не должны являться множествомъ, не представляютъ изъ себя то или это, и всѣ сливаются въ одно недѣлимое. Богъ — недвижное единство, изъ которого все беретъ свое начало и къ которому все возвращается; ангелы — недвижное множество; душа подвижна, но она движется сама собою. Съ какой бы то ни было струпой, она — великий посредникъ, *tertia essentia*; она образуетъ звено между міромъ самымъ высокимъ, спиритуальнымъ, и самымъ низкимъ, чувственнымъ, и можетъ какъ восходить къ первому, такъ и нисходить ко второму, поэтому существуютъ опять три степени различныхъ душъ, душа міра, двѣнадцать душъ сферъ, т. е. души восьми звѣздныхъ небесъ и четырехъ стихій, наконецъ множество душъ существъ живущихъ на сферахъ. Однако Фичино весьма благоразумно воздерживается отъ изложенія этой доктрины, которая не была христианской, какъ его ученіе (IV; 1), и въ комментаріи къ «Пиру» Платона (Орга, р. 1342), онъ склоненъ отождествлять души сферъ съ движущими ангелами, высказываетъ ту мысль, что Платонъ и

Діонісій Ареопагита розличаються не столько по смыслу, сколько въ словахъ.

При такомъ пониманіи устроенія вселенихъ человѣческая душа играетъ большую роль, и отсюда естественнымъ результатомъ является высокая идея о человѣческомъ достоинствѣ. Человѣкъ на землѣ является дѣйствительно центромъ мірозданія, центромъ, сочетающимъ въ себѣ духовное и чувственное. По понятіямъ средневѣковыхъ теологовъ — люди живутъ здѣсь, на землѣ, чтобы страдать и очиститься и потомъ заполнить пустыя мѣста падшихъ ангеловъ. Фичино также ставить вопросъ — почему разумная душа, болѣе совершенная, когда она свободна, — входитъ въ земное тѣло, и между прочимъ отвѣчаетъ (I. XVI, сар. 3), что это случается затѣмъ, чтобы божественный лучъ, который въ чувственномъ раздѣляется какъ въ своей тѣни, и удаляется отъ самого себя, снова отразился въ Богъ, ибо душа очищаетъ образы чувственного и приводить ихъ опять къ спиритуальному: «такимъ образомъ человѣческая душа возстановляетъ міръ, испытывавшій потрясеніе».

Философскія соображенія, высказывавшіяся письменнымъ путемъ въ трактатахъ Фичино, часто высказывались и устно въ живыхъ бесѣдахъ, въ кружкѣ друзей, соединенныхъ одними и тѣми же стремленіями. Эти флорентинскіе академики были связаны между собою интимною духовною связью, которая находила свое выраженіе въ горячихъ, даже преувеличенныхъ изліяніяхъ чувства, отмѣчающихъ письма Фичино и другихъ. Этимъ путемъ думали возобновить дружескія связи сократовско-платоновскаго кружка. Въ обстановкѣ самой живой общительности старались соединить Музъ и Грацій, старались украсить поученія мудрости той художественной красотой и той гениальною ясностью, которымъ удивлялись въ платоновскихъ діадогахъ. Въ особенности культивировали музыку, ибо она, согласно съ Платономъ, является эхомъ небесныхъ гармоній, хотя и слабымъ; Фичино питалъ большую страсть къ музыкѣ и время отъ времени прерывалъ свою работу, чтобы играть на арфѣ и пѣть. Будучи меланхоликомъ по природѣ, онъ однако былъ всюду веселымъ желаннымъ гостемъ. Высшее блаженство философъ видѣлъ въ сверхчувственномъ; но тѣмъ не менѣе онъ не презиралъ земныхъ благъ, любилъ красоту міра и умѣренное наслажденіе. По образцу платоновскаго «Пира» самымъ подходящимъ для философскихъ собесѣданій представлялось пиршество и въ этомъ смыслѣ Фичино прославлялъ его въ одномъ изъ своихъ писемъ (I. III, р. 739), какъ умѣренную трапезу, состоящую изъ здоровыхъ даяній природы, приправленную остроумiemъ и освѣщенную разумомъ. Въ большомъ ходу были также разговоры на открытомъ воздухѣ, за городомъ, на манеръ Сократа и Федра, сидѣвшихъ во время бесѣдъ въ тѣни высокаго явора на берегу Илліса. Фичино говорилъ о безсмертіи души,

подъ лавровымъ деревомъ въ имѣніи Джіованни Кавальканти, Риньяно, Theol. Plat., VI, 1). Въ Disputazioni Camaldolesi Ландино друзья встрѣчаются въ уединеніи Камальдоли и отправляются въ горный лѣсъ, гдѣ на цвѣтущемъ лугу, близъ яснаго источника, отдыхаютъ и бесѣдуютъ въ тѣни бука.

Хотѣли также возстановить обычай древнихъ платониковъ праздновать философской трапезой предполагаемый день рожденія и смерти учителя, 7 ноября. Такое пиршество устроилъ Франческо Бандини, и относительно другого платоновскаго пира, который устроилъ въ своей виллѣ Кареджи Лоренцо де Медичи, подъ управлениемъ того же Бандини, даетъ подробныя свѣдѣнія Марсиліо въ своемъ комментаріи къ платоновскому «Пиру», въ комментаріи также обыкновенно получавшемъ отъ него название книги о любви. Послѣ того какъ гости поѣли, Бернардо Нути взялъ платоновскій «Пиръ» и прочелъ всѣ диалоги въ немъ содержащіеся; послѣ этого онъ попросилъ остальныхъ гостей разыскать эти диалоги одинъ за другимъ. Джіованни Кавальканти, самый интимный другъ Фично, получившій отъ него прозваніе Ахата, взялся комментировать три рѣчи Федра, Павзанія и Эризимаха, Кристофоро Ландино—рѣчь Аристофана, Карло Марзупини, сынъ поэта носившаго то же имя,—рѣчь Платона, между тѣмъ какъ рѣчи Сократа и Алкивиада достались Томмасо Бенчи и Кристофоро Марзупини.

Эти пространные, абстрактные комментаріи показываютъ, насколько пониманіе красоты платоновской философіи было испорчено предвзятыми мнѣніями. Художественное произведеніе исчезло, вмѣстѣ съ личнымъ характеромъ и эффектнымъ разнообразіемъ рѣчей; Фично находить во всѣхъ рѣчахъ ничто иное, какъ только одну доктрину, изложенную различнымъ и детальнымъ образомъ, доктрину истинной спиритуальной любви, состоящей въ томъ, что живое существо возвращается къ своему исходному пункту, Богу, и ищетъ также въ земномъ мірѣ, духовномъ и тѣлесномъ, слѣдовъ божественной красоты, благодаря чему стремится къ наслажденію только чрезъ посредство зреяня, слуха и духа, ибо красота для другихъ чувствъ есть ничто. всякая красота безтѣлесна, въ тѣльѣ также есть нечто изъ красоты, но не сама красота, это—отраженіе божественного лица, блестящее въ ангелахъ, потомъ въ человѣческихъ душахъ, наконецъ въ тѣлахъ. Шутливый міръ Аристофана, съ его смѣлымъ юморомъ, получаетъ серьезное аллегорическое истолкованіе, онъ долженъ обозначать душу, стремящуюся въ любви достичь опять своихъ утраченныхъ божественныхъ частей. Въ этомъ случаѣ глубина мысли дѣлается причудливой. Объясненіе рѣчи Сократа также получаетъ окраску совершенно неоплатоновскую и христіанскую. Идея прекраснаго, красота сама по себѣ, о которой говорила мудрая Диотима, закончена и проста только въ высшемъ принципѣ, въ

Богъ, и такъ какъ мы любимъ въ вещахъ прежде всего божественные слѣды, мы, будучи очищены, любимъ только Бога и всякую вещь въ Богъ. Комментарій къ рѣчи Алкивіада преимущественно говорить о низшей любви (*amor vulgaris*), которая представлена какъ болѣзнь, какъ порча крови, вызванная влияніями, исходящими изъ глазъ любимаго существа.

Книга Фичино о любви была встрѣчена живымъ одобрениемъ; авторъ самъ перевелъ ее на итальянскій языкъ, а поэтъ Джироламо Бенивіени, будучи вдохновленъ ею, написалъ свою канцону о божественной любви, которую Пико изъ Мирандолы въ свою очередь комментировалъ по итальянски въ трехъ книгахъ. Гвидо Кавальканти воспѣвалъ любовь согласно съ aristotelевскимъ схоластическимъ понятіемъ, Бенивіени воспѣваетъ ее согласно съ понятіемъ платоновскому, мистическому. Но Гвидо, также какъ и Данте, теперь истолковывали согласно съ новыми философскими идеями; такимъ образомъ Кристофоро Марзуини, въ книжѣ Фичино, прославляя этого предка своего друга, Джованни Кавальканти, и Пико не видаль между канцонами Гвидо и Бенивіени иной разницы кромѣ той, что первый рассматриваетъ изъ двоюродой платоновской любви земную (*volgare*) второй—небесную. Бенивіени воспроизводя идеи Фичино, подвергаетъ ихъ дальнѣйшему развитію. Его стихотвореніе, глубокое и все воспламененное горячимъ религіознымъ чувствомъ, описываетъ, какъ въ духѣ первого созданного ангела пробуждается небесная любовь при созерцаніи идеальной красоты (при созерцаніи идей, вложенныхъ въ него Богомъ); какъ идеальная небесная Венера, истекающая изъ самого Бога (небесная красота), озаряетъ здѣсь, на землѣ, земную Венеру, и земное чувство слѣдуетъ за этой послѣдней точно такъ же, какъ небесное за небесной; какъ эта земная красота, истекая изъ души въ тѣло, пробуждаетъ любовь въ родственной душѣ, сошедшей на землю подъ однимъ и тѣмъ же планетнымъ влияніемъ, и какъ эта влюбленная душа возвышается отъ чувственной красоты къ ея духовному образу, отъ индивидуальной красоты къ универсальной, послѣ чего впервые воспринимаетъ въ себя отраженіе божественной красоты идей, потомъ эту самую красоту, и наконецъ воспаряетъ къ Богу, источнику всякой красоты, и какъ, слѣдовательно, все красивое служить здѣсь на землѣ духу только въ качествѣ ступени для восхожденія къ божественному. Богатство мыслей, заключенное въ узкихъ рамкахъ стихотворной формы, неясности выраженія, вращающагося въ сферѣ платоновско-мистическихъ образовъ и аллегорій, дѣлаютъ необходимымъ объясненіе канцоны самимъ Пико.

Что особенно привлекало Фичино и его друзей къ платонизму—это не только потребность философствованія, но и потребность религіозного настроенія, съ чѣмъ находилось въ живомъ соответствіи постоянное тяготѣніе Платона къ божественному, тяготѣніе еще бо-

лье ярко выступающее въ неоплатоновской доктрине, выражавшее мистическое стремление къ сляню съ абсолютнымъ. Другие философы, писаль Фичино въ письмѣ къ Джованни Бавальканти (Op., p. 628), почти всѣ отдавались изученію вещей естественныхъ, и такъ какъ эти послѣднія являются ничемъ инымъ, какъ отраженіемъ вещей истинныхъ, они грезили; Платонъ, посвятившій себя божественному, бодрствовалъ только одинъ изъ всѣхъ, или болѣе всѣхъ; поэтому онъ, Фичино, предпочитаетъ слѣдоватъ за Платономъ, *il teologo*. Со-зерцаніе божественного, религія, представляетъ изъ себя, согласно Фичино, самое характерное состояніе человѣка; это черта, отличающая его духовнымъ образомъ отъ животныхъ, какъ виѣшнимъ образомъ онъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что ступаетъ выпрямившись. Поэтому онъ озаглавилъ свою главную работу *Theologia platonica*, по образцу шести книгъ Прокла *Eis tiv Platonos Theologos*. Фичино былъ ученымъ теологомъ; въ 1473 году онъ вступилъ даже въ духовное званіе и былъ въ этомъ случаѣ совершенно чистосердечнымъ. Онъ не хотѣлъ никакого раздѣленія между философией и религіей; именно въ ихъ соединеніи заключается спасеніе, и великая язва его эпохъ кроется, какъ онъ думаетъ въ томъ, что философы и ученые—атеисты, а священники—невѣжды. Знаніе должно было вызывать болѣе горячую религіозность. Духъ, говоритъ Платонъ, воспаряетъ къ Богу съ помощью двухъ крыль, разума и воли; съ разумомъ имѣть дѣло преимущественно философъ, съ волей священникъ; разумъ долженъ озарять волю, воля должна воспламенять разумъ (*De christ. Rel.* въ началѣ).

Въ этомъ для Фичино, какъ и для Вискаріона, заключается цѣнность и правда платоновской философи, то есть въ томъ, что въ такихъ существенныхъ пунктахъ она согласуется съ христіанскимъ учениемъ; онъ ссылается на св. Августина, сказавшаго, что платоники, за устраненіемъ небольшихъ различій, были христіанами. Какъ въ средніе вѣка Аристотель былъ опорой вѣры, такъ теперь ею дѣлается Платонъ; его аргументы, согласно съ тѣмъ, что говорить Фичино въ началѣ своей *Theologia platonica*, должны содѣйствовать убѣжденности тѣхъ, кто не легко подчиняется одному божественному откровенію. Нѣкоторые изъ платоновскихъ вѣроученій, противорѣчащихъ догмѣ, онъ старается истолковать невиннымъ образомъ, какъ напримѣръ понятіе о предварительномъ существованіи душъ и метемпсихозѣ (I. XVII, cap. 4). Платоновское наказаніе отверженыхъ душъ вполнѣ соответствуетъ по его мнѣнію христіанскому Аду, его очищеніе, должнымъ образомъ понятое, соответствуетъ Чистилишу. Тѣмъ не менѣе онъ не думаетъ пожертвовать для своего философа ни однимъ изъ положеній вѣры. Онъ учитъ даже, что возсоединеніе тѣла съ душой въ день страшного суда необходимо для полнаго блаженства (XVIII, 9), вступая въ рѣзкое противорѣчіе со всею его система-

мой, гдѣ тѣло всегда является, какъ оскверненіе души, и неоднократно представляетъ свои идеи рѣшенію Церкви.

Точно также въ его книгѣ *De christiana religione*, оконченной около 1474 года, мы видимъ не философию религій, а только исчислѣніе доказательствъ и авторитетовъ, въ особенности послѣднихъ, въ пользу истинности христіанства. Именно то обстоятельство, что мы не понимаемъ положеній вѣры, является признакомъ ихъ божественности; ибо то, что нашъ духъ постигаетъ цѣликомъ, болѣе ничтожно, чѣмъ нашъ духъ, и слѣдовательно не можетъ быть божественнымъ; здѣсь такимъ образомъ господствуетъ вѣра, слова *ipse dixit* достаточны для доказательства того, что учили Христосъ и его ученики. Однако онъ пытался построить извѣстнаго рода философскую дедукцію касательно троичности и воплощенія; но и здѣсь, гдѣ онъ пишетъ главнымъ образомъ какъ теологъ, онъ даетъ слово классическому философамъ; по его мнѣнію то, что они знали изъ сферы истины, пришло къ нимъ, непосредственнымъ или косвеннымъ образомъ, отъ іудеевъ. Это мнѣніе высказалъ Филонъ Александрийскій, нѣкоторые отъ отцовъ Церкви въ свою очередь приняли его и въ пользу его высказался также Виссаріонъ. Религіозныя тайны древнихъ философовъ, собранныя въ книгахъ Платона, были поняты надлежащимъ образомъ только тогда, когда Христосъ высказалъ свое ученіе: «Платоники пользовались божественнымъ свѣтомъ христіанства для истолкованія божественнаго Платона» (Cap. 22).

Далѣе, Фичино никакъ не могъ повѣрить, чтобы тотъ, кто, хотя и не будучи самъ христіаниномъ, былъ однако мистическимъ герольдомъ христіанства, долженъ былъ въ иномъ мірѣ подвергнуться вѣчному осужденію. Данте предназначилъ для великихъ язычниковъ особенное почетное мѣсто пребываніе въ Аду, и, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, умѣль отвести нѣкоторыхъ въ Чистилище и въ Рай. Фичино также нашелъ выходъ. Часть законовъ Моисея, обязательныхъ для всѣхъ людей, писалъ онъ въ одномъ письмѣ (lib. V, къ концу, р. 806), могла быть познана также и благодаря одному здравому смыслу, ибо она не требуетъ ничего другаго, кроме почитанія одного единственнаго Бога и безпорочной жизни. Этимъ правиламъ слѣдовали Пифагоръ, Сократъ, Платонъ и другие и они такимъ образомъ избѣгли Ада, достигли Лимба, гдѣ были извѣщены о пришествіи Мессии пророками, еще остававшимися тамъ, или ангелами. И такимъ образомъ язычники, наравнѣ съ іудеями, могли стремиться къ небу, сначала благодаря надеждѣ на Христа, потомъ благодаря пришествію Христа.—Въ такомъ видѣ благочестивое чувство могло мириться съ терпимостью болѣе кроткаго духа и съ любовью и благодарностью по отношенію къ великимъ учителямъ мудрости.

Въ отношеніи флорентинскихъ платониковъ къ Аристотелю было такъ же мало вражды, какъ въ отношеніяхъ неоплатониковъ древности

и Виссаріона. Кристофоро Ландино (1424—1504), правда, отдаетъ предпочтение Платону, но въ тоже время онъ относится къ Аристотелю съ самымъ глубокимъ почтеніемъ. Фамилія его была изъ Пратовеккіо, но онъ родился во Флоренціи; съ 1457 года онъ съ большими успѣхомъ преподавалъ въ университетѣ риторику и поэтику, сдѣлялся секретаремъ гвельфской партіи и потомъ канцлеромъ Синьоріи,—должность, исправлявшаяся имъ до 1497 года. Онъ написалъ комментаріи къ Виргилію и Горацию и собраніе латинскихъ элегій, озаглавленныхъ Xandra въ честь одной Александры, которую онъ любилъ. Еще въ юношескомъ возрастѣ онъ написалъ три діалога De anima, гдѣ, пользуясь его словами, онъ соединилъ вмѣстѣ платоновское ученіе, аристотелевское и стоическое, и подчинилъ ихъ всѣ христіанской истинѣ. Кроме того, будучи поклонникомъ изящной формы, онъ старался освободить изложеніе отъ схоластической суности, отъ шероховатостей діалектики, старался придать ему стилистическое изящество и сдѣлать пониманіе его общедоступнымъ.

То же самое стремленіе къ общедоступному и болѣе или менѣе привлекательному изложенію появляется также въ Disputazioni Camaldolesi. Здѣсь воспроизводятся бесѣды, продолжавшіяся въ теченіе четырехъ лѣтнихъ дней, въ 1468 году, въ лѣсу Камальдоли, бесѣды между друзьями и членами Академіи, самимъ Ландино, Леономъ Баттиста Альберти, двумя юношами Медичи, Лоренцо и Джіуліано, Марсіаліо Фічино, Аламанно Ринуччини и нѣкоторыми другими. Сперва говорили о томъ, что предпочтительнѣе, дѣятельная жизнь или созерцательная, и было решено, что для человѣка необходимо правильное сочетаніе того и другаго; потомъ разсматривался вопросъ о высшемъ благѣ, и его, естественно, усмотрѣли въ добродѣтели и въ познаніи Бога. Въ два послѣдніе дня Леонъ Баттиста Альберти, будучи приглашенъ Лоренцо, объяснялъ аллегорію виргиліевской «Энеиды», гдѣ онъ нашелъ изображеніе именно этого идеала философской жизни, развитіе въ смыслѣ стремленія къ высшему совершенству. Эней—человѣкъ достигший мало по малу, послѣ многихъ заблужденій, высшаго блага, созерцанія божественнаго. Троя обозначаетъ юношеское состояніе, когда человѣкъ подчиняется исключительно указанію чувствъ. Парисъ слѣдующій за земной Венерой, остается тамъ и погибаетъ вмѣстѣ съ городомъ; Энеа уводитъ прочь небесная Венера—любовь къ божественной красотѣ, стремленіе къ созерцанію божественнаго. Сопротивленіе Анхиза обозначаетъ борьбу между чувственностью и духомъ, потому что Анхизъ, какъ смертный отецъ Энея, олицетворяетъ его земную часть. Италия, цѣль путешествія, есть истинная мудрость; но, прежде чѣмъ Эней достигаетъ ея, возникаютъ новые затрудненія, потому что духъ еще не укрѣпился въ привычкахъ добродѣтели. Фракія и строфадические острова символизируютъ два рода алчности; враждебная Юнона олицетворяетъ често-

любіе, путешествіе въ Кареагенъ обозначаетъ временное уклоненіе отъ созерцанія и дѣятельной жизни (*vita civilis*); Диона — это *vita civilis*, любовь къ ней — желаніе властвовать; ея смерть при удаленіи Энея обозначаетъ, что тѣ государства, которыя покинуты мудрецами, должны погибнуть. Сопшествіе въ Адѣ обозначаетъ, что, какъ этого хотѣлъ Платонъ, духъ долженъ познать пороки и очиститься, прежде чѣмъ быть въ состояніи приблизиться къ божественному (къ Елисейскимъ полямъ). Таковы главныя черты истолкованія, не идущаго далѣе шестой книги «Энейды»; но оно не ограничивается общимъ, а простирается съ большою утонченностью и на менѣе значительные факты и обстоятельства. Все должно имѣть известное значение, и Ландино не сомнѣвается, что поэтъ дѣйствительно имѣлъ такую идею.

Пониманіе «Энейды», какъ произведенія аллегорически — морального, возникшее уже въ поздней древности, господствовало въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ; мы опять находимъ его также у Петрарки и снова у Фильтъро въ письмѣ отъ 21 декабря 1427 года. Неоплатоники, какъ Плотинъ, любили философское истолкованіе миѳовъ, и Фичино, также какъ и его ученики, слѣдовали за ними въ этомъ. Такимъ образомъ традиціонное средневѣковое понятіе о сущности поэзіи могло только усилиться. Несмотря на малое соотвѣтствіе съ живой практикой, въ теоріи всегда говорилось, что поэзія излагаетъ философскую мудрость подъ прекраснымъ покровомъ, совершенно такъ, какъ думалъ касательно этого Данте. Въ своемъ объясненіи «Энейды» Ландино уже неоднократно ссылается на «Божественную Комедію»; онъ заставляетъ говорить Лоренцо, что съ истолкованіемъ Виргиля, ему вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается понятнымъ Данте, и онъ видѣть теперь, что этотъ послѣдній почти во всемъ подражаетъ первому. Объясненіе «Энейды» во многихъ подробностяхъ очевидно обусловлено постояннымъ желаніемъ имѣть въ виду «Божественную Комедію», желаніемъ ставить на видъ согласованіе между дантевской аллегоріей и виргиліевской. Фичино, въ предисловіи къ своему переводу «Монархіи» Данте, говоритъ, что этотъ послѣдній «черпаль виргиліевскімъ сосудомъ изъ платоновскихъ сосудовъ». Этимъ самымъ онъ въ сущности вѣрно опредѣлялъ отношенія между обоими поэтами; ибо если Данте и объяснялъ себѣ различныя подробности иначе, всетаки основная мысль «Божественной Комедіи» была та же, какую онъ нашелъ въ «Энейдѣ», именно, освобожденіе человѣка изъ путъ чувственности для достиженія истиннаго счастья.

Такимъ образомъ Ландино совершенно естественнымъ образомъ былъ приведенъ къ своему главному труду, комментарію къ Данте, составленному въ 1480 году. Однако интересъ, представляемый этой обширной работой, ничтоженъ. Такъ какъ Ландино не соединяетъ вмѣстѣ Платона и Аристотеля, исправляя ихъ обоихъ съ помощью

христіанского вѣроученія, такъ какъ, кромѣ того, онъ хорошо знаетъ, что Данте былъ перипатетикомъ, его истолкованія не представляютъ изъ себя того, чего можно было бы ожидать отъ комментатора—платоника; въ главномъ онъ почти не отличается отъ болѣе древнихъ комментаторовъ, хотя тамъ и сямъ и цитируетъ Платона. Въ эстетическомъ пониманіи поэмы также врядъ ли можно усмотрѣть какой либо прогрессъ.

Въ молодомъ Пико делла Мирандола появляется въ болѣе значительной степени мистической, фантастической элементъ неоплатонизма, стремленіе къ единому Богу, желаніе уничтожиться, раствориться въ немъ и въ тоже время исканіе скрытой мудрости и тайныхъ искусствъ, въ которыхъ проявляется здѣсь на землѣ сила божественного. Джованни Пико, графъ Мирандола родился въ 1463 году, и уже будучи ребенкомъ удивлялъ своимъ умомъ; имѣя 14 лѣтъ отъ роду, онъ отправился въ Болонью изучать каноническое право, потомъ обратился къ философіи и посѣщалъ различныя школы въ Италии и во Франціи. Онъ былъ сперва аристотеликомъ, но во время своего пребыванія въ Флоренціи, въ 1484 г., вошелъ въ отношенія съ Академіей, и *Theologia platonica* Фичино подѣйствовала тому, что онъ понялъ ея идеи. Весьма скоро ему показалось, что, несмотря на различие идей, между Аристотелемъ и Платономъ существуетъ громадное единство. Но поле знанія, до того времени открытое, казалось ему недостаточнымъ; послѣ греческаго онъ сталъ изучать языки еврейскій, халдейскій и арабскій, и по крайней мѣрѣ въ первомъ достигъ повидимому совершенства. Онъ погрузился въ изученіе Каббалы, которую досталъ съ помощью большихъ тратъ, убѣдился въ томъ, что она дѣйствительно содержала истолкованія закона, сообщенаго самимъ Богомъ Моисею и передававшагося чрезъ уста избранныковъ, и нашелъ здѣсь не столько моисеевскую религию, сколько христіанскую, таинство троичности, воплощеніе, первичный грѣхъ и искупленіе, муки Чистилища и Ада, іерархію ангеловъ, словомъ то же самое, что у Павла, Діонісія, Іеронима и Августина, такъ что благодаря этому онъ получилъ возможность побивать евреевъ ихъ же орудіемъ, мудростью почерпнутою изъ ихъ собственныхъ источниковъ.

Въ 1486 году, въ двадцатирѣчлѣтнемъ возрастѣ онъ отправился въ Римъ и опубликовалъ 900 тезисовъ, приглашая дальнихъ ученыхъ прибыть для диспута, на его счетъ. Это были положенія теологическая, философская, физическая, каббалистическая и магическая, прежде всего 400 заимствованныхъ у другихъ, затѣмъ 500 своихъ. Среди послѣднихъ на первомъ мѣстѣ стояло утвержденіе о единствѣ между Платономъ и Аристотелемъ. Магические тезисы говорятъ о тайныхъ искусствахъ съ помощью Каббалы и орфическихъ гимновъ, о чудесахъ, полученныхъ чрезъ посредство возгласовъ, словъ, знаковъ, фигуръ. Пико, такъ же какъ Фичино и многие другіе современ-

ники, въриль въ магію; по его мнѣнію существовала предосудительная магія, основанная на помощи демоновъ, но также и магія позволительная, приводившая въ движение скрытая силы, вложенные Богомъ въ вещи.

Въ качествѣ введенія къ этому, задуманному имъ, великому диспуту, онъ сочинилъ рѣчъ, защиту и прославленіе философії. Будучи воспламененъ юношескимъ энтузіазомъ, онъ чувствуетъ себя воспарившимъ съ помощью платоновскаго *furore divinus*, и говоритъ, какъ проповѣдникъ, въ изобиліи употребляя восточные образы и притчи, упоминая сразу Моисея и Тімео, Вакха, Музъ, Зороастра, Каббалу и Піегагора. Онъ самъ, или его издатель, озаглавилъ рѣчъ *Della dignitatem sapientia*. Достоинство человѣка состоитъ въ его возвышенности, достигаемой посредствомъ собственной силы и собственной заслуги. Животное съ самаго рожденія носить въ себѣ то, чѣмъ владѣть; сверхчеловѣческие духи въ моментъ ихъ созданія, или немногого спустя, являются тѣмъ, чѣмъ они будутъ всегда. Когда Богъ создалъ человѣка, все въ мірѣ было распределено; поэтому онъ не далъ ему ничего, но далъ ему способность приобрѣтать. Онъ ставить его въ центрѣ міра, не дѣлаетъ его ни небеснымъ, ни земнымъ, ни смертнымъ, ни бессмертнымъ, желая, чтобы онъ самъ, посредствомъ свободной воли, былъ своимъ собственнымъ ваятелемъ, придалъ себѣ такую форму, какъ самъ пожелаетъ. «Ты можешь», говоритъ Богъ Адаму, вырождаться и, достигая низшаго состоянія, дѣлаться животнымъ; ты можешь возвышаться, стремиться къ божественному, очищаясь твердымъ рѣшеніемъ твоего духа».

Лишь въ этомъ мѣстѣ Пико достигаетъ такой поэтической высоты, въ то время какъ вторая часть рѣчи представляеть изъ себя защиту противъ нападенія его враговъ. Диспутъ однако не состоялся и рѣчъ никогда не была произнесена. Онъ подвергъ свои тезисы сужденію папы и церкви; но его противники выискали тринацать еретическихъ тезисовъ и Иннокентій VIII запретилъ ихъ. Пико написалъ апологію, но и она была представлена папѣ подозрительной; Иннокентій объявилъ, что противъ него лично не можетъ быть возбуждено никакого преслѣдованія, но книга тезисовъ была осуждена не смотря на попытки Лоренцо де'Медичи заставить папу измѣнить мнѣніе. Александръ VI позднѣе формально объявилъ въ бреве 1493 года, что авторъ долженъ быть освобожденъ отъ всякихъ подозрѣній въ ереси.

Изъ Рима Пико, въ 1487 году, отправился во Францію; потомъ онъ частію жилъ во Флоренціи, находясь въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Фічино и съ Поліціано, близъ которыхъ онъ жилъ въ фіезоланской виллѣ, частію въ Феррарѣ. Его знанія при его молодомъ возрастѣ казались чудомъ. Кроме того онъ былъ богатъ, обладалъ величественной и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующей внешностью, необыкновенной

памятью и блестящимъ краснорѣчіемъ. Полиціано относился къ нему съ особенно восторженнымъ поклоненіемъ, считалъ его высшимъ гениемъ, гордостью вѣка; намекая на значеніе его имени (*picus*, зеленый дятелъ), говорилъ, что онъ вместо этого представляется изъ себя феникса, который гнѣздится въ лавровомъ кустѣ Медичи,— наименование сдѣлавшееся обычнымъ среди его друзей. Въ дѣйствительности онъ обладалъ громадной книжной ученостью, которая произвела въ немъ смутную путаницу. Его стремленія преслѣдуютъ одну цѣль — находить вездѣ одну и ту же истину, христіанскоѣ ученіе и неоплатоновскую мистику, въ пользу этого онъ хочетъ цитировать свидѣтельство всѣхъ мудрецовъ самыхъ различныхъ временъ и народовъ, искажая и истолковывая слово тамъ, где оно не согласуется съ этой цѣлью. Прямой aberrацией ума является его работа, озаглавленная *Heptaplus, de septiformi sex dierum Geneseos narratione* (1489). Въ моисеевскомъ разсказѣ о мірозданіи должна, какъ думаетъ онъ, заключаться вся мудрость, и дѣйствительно, своимъ истолковательнымъ талантомъ онъ ее находитъ тамъ. Онъ ее истолковываетъ семь разъ, каждый разъ въ иномъ смыслѣ, и отсюда выводитъ физическая и метафизическая доктрины въ полномъ соотвѣтствии съ античными философами и съ христіанствомъ. Это игра словъ, которымъ авторъ можетъ придавать какое угодно значеніе, послѣ того какъ онъ лишилъ ихъ всякаго значенія.

Онъ хотѣлъ также написать *Teologia poetica* или, какъ онъ называетъ ее въ другомъ мѣстѣ, *Filosofia poetica*, чтобы показать, какимъ образомъ древніе поэты скрывали тайны мудрости въ загадкахъ своихъ сочиненій. Затѣмъ онъ вознамѣрился снабдить плatonовскій «Пиръ» новыми комментаріями, очевидно, чтобы ввести сюда мистическая истолкованія, еще болѣе обширныя, чѣмъ тѣ, что далъ Фичино. Но двумя главными задачами его жизни были сочиненія противъ враговъ церкви, которыхъ онъ раздѣлилъ на семь классовъ и хотѣлъ съ каждымъ классомъ бороться собственнымъ его оружиемъ, и противъ согласія между Платономъ и Аристотелемъ, въ которое, какъ говорилъ онъ, многие вѣрили, и котораго еще никто не доказалъ. Прежде временная его смерть помѣщала завершить эти планы: въ возрастѣ тридцати двухъ лѣтъ онъ былъ унесенъ лихорадкой, 17-го ноября 1494 года, во Флоренціи. Изъ сочиненія *De concordia Platonis et Aristotelis* онъ предварительно опубликовалъ часть *De ente et uno*. Къ другой работѣ должны были относиться, какъ свидѣтельствуетъ издаватель, двѣнадцать книгъ *In astrologiam*, которыхъ Джанъ Франческо Пико опубликовалъ послѣ смерти дяди. Вѣра въ астрологію была въ то время могущественной, какъ еще и много времени спустя; даже люди близко стоявшіе къ Пико, Ландино, а также Фичино, участвовали въ ней до известной степени. Можно было бы поэтому поставить Пико въ большую заслугу его свободу отъ этого безумія, если бы и въ

остальномъ онъ выказалъ себя болѣе свободнымъ отъ суевѣрныхъ представлений и не былъ погруженъ въ свои магическая и каббалистическая тайны. Но астрологія находилась въ противорѣчіи съ христианскимъ учениемъ, а магія, какъ онъ ее понималъ, нѣтъ.

Флорентинскій платонизмъ бралъ на себя задачу примирить вѣру съ знаниемъ, съ разумомъ и съ авторитетомъ. Это было тщетное усиленіе; противорѣчія оставались неразрѣшими; философъ съ своими мыслями держался одного опредѣленного пункта и уступалъ мѣсто учению Церкви. Создававшій иллюзію, религіозно-мистической элементъ бралъ верхъ, и въ окончательномъ результатаѣ получалось возвращеніе къ строгой ортодоксальности. Когда Савонаролла проповѣдовалъ во Флоренціи обновленіе вѣры, платоники были съ нимъ заодно. Марсиліо Фичино выразилъ по его адресу живое одобрение, но послѣ высказался противъ него, когда онъ предсталъ ожесточеннымъ врагомъ фамилии Медичи, и послѣ его смерти назвалъ его чудовищемъ, родившимся для гибели флорентинцевъ. Болѣе молодой Пико, Джованні Франческо, сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ приверженцевъ монаха, и рассказывалъ о своемъ дядѣ, что съ нимъ произошла большая перемѣна, что онъ сжегъ свои любовныя стихотворенія, роздалъ свое добро бѣднымъ, подвергалъ себя частымъ бичеваніямъ и имѣлъ намѣреніе тотчасъ по окончаніи своихъ работъ пойти босикомъ по миру и проповѣдывать или даже вступить въ доминиканскій орденъ. Тутъ, повидимому, благочестивый племянникъ нѣсколько преувеличилъ. Но Бенивіени дѣйствительно порвалъ съ своими философскими прошлыми, раскаялся въ своемъ платонизмѣ, имѣвшемъ такой христіанскій характеръ, какъ въ чемъ-то языческомъ, едва рѣшился опубликовать свою канцону о любви и просилъ читателя тамъ, где она оказалась бы въ противорѣчіи съ ученіями церкви, предпочитать авторитету Платона авторитетъ Христа и св. Фомы Аквинскаго; онъ вообще осуждалъ свое прежнее поэтическое творчество и въ теченіе долгаго времени, выпавшаго еще на его долю († 1542), сочинялъ только строго-религіозныя пѣсни.

Философское общество, которое Козимо де'Медичи основалъ подъ названіемъ Академіи, было не первымъ соединеніемъ людей ученыхъ, направленнымъ на споспѣществованіе общимъ стремленіямъ. Въ подобномъ же родѣ были и бесѣды, описанныя въ *Paradiso degli Alberti*, Условленная встрѣчи у фра Луиджи Марсили и, послѣ его смерти, у другихъ монаховъ *Santo Spirito*, собранія у фрате Амброджіо въ монастырѣ *degli Angeli*, и разсужденія, которыя, какъ разсказываетъ *Веспасіано* (*Vita di papa Niccolò*, cap. 5), утромъ и вечеромъ происходили на углу палаццо Синьоріи, и въ которыхъ принимали участіе Леонардо Аretino, Джіанноццо Манетти, Поджіо, Ауриспа, а также Томмасо изъ Сарцаны, когда онъ жилъ во Флоренціи. Живыя взаимные отношенія и обмѣнъ идей являлись вообще настоятельной по-

требностью для флорентийскихъ ученыхъ. Но философскій кружокъ, который собрали около себя сперва Козимо, а потомъ Лоренцо, впервые получилъ наименование академіи, заимствованное именно отъ платоновской школы въ Аѳинахъ, и перешедшее потомъ ко всѣмъ другимъ подобнымъ обществамъ, — впервые поставилъ себѣ опредѣленные задачи и цѣли, хотя къ счастью у него еще не было вѣнчихъ опредѣлившихъ формъ. Въ Римѣ вслѣдъ за этой академіей создалась другая, академія Джіуліо Помпоніо Лето (1428—1498); къ ней принадлежали между прочимъ Филиппо Буонаккорси и Bartolommeo Сакки изъ Піадены въ Кремонезе, называвшійся по мѣсту своего рожденія Plátina (1421—1481). Они занимались римскими древностями и античными авторами, принимали классическія имена, пользовались классическими формулами и оборотами рѣчи, старались возстановить древніе обычай, праздновали ежегодно предполагаемый день основанія Рима. При Павлѣ II они были обвинены въ атеизмѣ и въ прикосновенности къ заговору, и Помпоніо Лето, также какъ Платина, былъ заключенъ въ тюрьму; но послѣ суроваго допроса, соединенного съ пыткой, папа въ концѣ концовъ освободилъ ихъ, увидалъ въ ихъ замыслахъ больше игры, нежели серьезной опасности; ихъ мнимое язычество не шло дальше именья и словъ. Послѣ смерти Павла, Помпоніо возстановилъ академію и самъ съ большимъ успѣхомъ преподавалъ въ римскомъ университѣтѣ. Въ Неаполѣ Панормита собралъ около себя подобное же общество; во главѣ его позднѣе сталъ Понтано, и отъ него это общество получило наименование Accademia Pontaniana. Здѣсь также принимались имена, носявшія классическій характеръ; съ важнейшими его членами мы познакомимся въ другомъ мѣстѣ.